

ВАДИМ
НЕСТЕРОВ

ВАДИМ
ПРИНЕСШИЕ
ХОЛОДА

КНИГА
ПЕРВАЯ

ЛЕС И СТЕПЬ

16+

Вадим Нестеров

**Люди, принесшие холод.
Книга 1. Лес и степь**

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Нестеров В.

Люди, принесшие холод. Книга 1. Лес и степь / В. Нестеров —
«ЛитРес: Самиздат», 2019

В этой книге рассказывается о них — людях, приносивших холод. Людях, раздвигавших пределы России. Они все по-разному жили и по-разному скончались. Сейчас они все мертвы. Но без них не было бы меня. Эти книги — просто попытка отдать долг. По крайней мере, я попытаюсь.

Содержание

Предисловие к этому циклу книг	6
Предисловие к первой книге	9
ГЛАВА 1. Предложение, от которого не отказываются	16
ГЛАВА 2. Черкес	19
ГЛАВА 3. В поисках старицы	23
ГЛАВА 4. Степная война	28
ГЛАВА 5. Самая короткая – о струсах и казеариусах	31
ГЛАВА 6. За горами, за лесами, за широкими морями...	34
ГЛАВА 7. Три твердыни	40
ГЛАВА 8. И слово, и дело	44
ГЛАВА 9. Обреченный отряд	48
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Моим девочкам – Агнюше и Варюше

Предисловие к этому циклу книг

Их никого уже нет.

Они все умерли – причем очень давно. И Младшее поколение, и Среднее, и Старшее, и уж тем более Предтечи. Все они не первое десятилетие мирно спят в могилах – те, конечно, кому могилы достались.

Но без них – не было бы меня. Я родился и вырос в Средней Азии, и имена Серик, Шухрат или Мамыр в детстве звучали для меня так же естественно, как Сережа или Игорь. Там прожили жизнь пять поколений моей семьи, но мне ни разу не приходил в голову вопрос – а как же мы там оказались?

Потом я вырос и однажды этот вопрос себе задал. У меня диплом историка, и я, по вбитой со студенчества привычке, начал копать источники. Посидев в библиотеках и архивах – довольно быстро понял, что передо мной не просто полузабытый эпизод русской истории.

Передо мной самая настоящая сага о том, как однажды мы пошли туда, не знаю куда и нашли... Нашли большие неприятности – схлестнулись с двумя крупнейшими империями планеты. Это и была Большая Игра – схватка трех империй, Британской, Российской и Китайской за Центральную Азию. Причем схватка тихая, незаметная со стороны и почти бескровная – отчего и получила свое второе название: «Пляска теней».

Мы почему-то все время забываем, что Центральная Азия была одним из самых последних «белых пятен» на карте мира. Уже вдоль и поперек прошерстившая дебри Африки, Южной Америки и Юго-Восточной Азии Европа однажды с удивлением обнаружила абсолютно неисследованный регион в самом центре родного материка. И закружились державы в сперва робком, а потом все более страшном и одновременно завораживающем танце, имя которому дал великий Киплинг – «Большая игра».

Жители этого «белого пятна» отличались простотой нравов, и подозреваемых в шпионаже, как правило, без раздумий укорачивали на голову. Поэтому английские лейтенанты и русские поручики обычно шли туда в обличье пакистанских купцов или самаркандских дервишей, пряча за гортанной речью йоркширский или тамбовский говор.

Эта сага, по большому счету, даже не о случившейся на рубеже веков схватке трех империй, каждая из которых в итоге приросла новыми территориями, избежав при этом большой войны. Эта сага – об участниках Игры, работавших «в поле», о тех, чьи разведывательные экспедиции и военные рейды и принесли стране новые земли. Этим забытым сегодня «героям былых времен» не досталось славы – поначалу их деятельность была засекречена, потом же, во времена обличения «колониальной политики империалистических держав», было как-то неудобно вспоминать, как одни члены «братской семьи народов» делили земли других.

Вот и получилось так, что в Англии «Большая игра» – один из самых популярных исторических сюжетов. С самого начала она стала органичной частью викторианской эпохи – достаточно вспомнить вернувшегося из Афганистана доктора Ватсона, не говоря уже про киплинговского Кима. И о своих Конноли и Янгхасбендах британцы уже много лет пишут книги, снимают фильмы и делают документальные сериалы. У нас же про Путятю или Столетова часто не знают даже профессиональные историки.

Что, на мой взгляд, очень несправедливо. Потому что наши забытые Игроки – русские, казахи, поляки, татары, немцы, аварцы, шведы, кабардинцы – честно служили Отечеству и выполнили свой офицерский долг.

Все.

И те, кто умер в немалых чинах и преклонных годах в своей постели. И те, из кого сделали чучело. И те, кому отрубили кишашую вшами голову на главной городской площади. И те, кого вели на допрос «по 58-й статье» в кабинет следователя на Лубянке. И те, чье тело выкопали

из могилы и, изрубив шашками, обложили соломой и сожгли. И даже те, кто стал отступником – тоже достойны памяти потомков.

Все: умные и глупые, романтики и циники, бессребреники и карьеристы – все они заслужили что угодно, но не забвение.

Увы, их не помнят. У нас в России так и не случилось своего Киплинга, поэтому и нет им до сих пор лучшей эпитафии, чем от него – великого скальда из лагеря противника.

*Мы так жадно мечтали! Из городов, задыхающихся от людей,
Нас, изжаждавшихся, звал горизонт, обещаю сотни путей.
Мы видели их, мы слышали их, пути на краю земли,
И вела нас Сила превыше земных, и иначе мы не могли.
Как олень убегает от стада прочь, не разбирая пути,
Уходили мы, веря, как дети, в то, что сумеем дойти.
Убывала еда, убегала вода, но жизнь убивала быстрей,
Мы ложились, и нас баюкала смерть, как баюкает ночь детей.
Здесь мы лежим: в барханах, в степях, в болотах среди гнилья,
Чтоб дорогу нашли по костям сыновья, как по вехам, шли сыновья!¹*

Да, конечно, в последнее время начали появляться и у нас книги о Большой игре, но это либо измышления нахватавшихся по верхам дилетантов, либо серьезные академические сочинения. Которые всем хороши, вот только, как положено монографиям, сухи, бесстрастны и неудобочитаемы.

И из них вы никогда не узнаете, как, к примеру, самовольно захватив с горсткой людей многотысячный Ташкент, генерал Черняев в демонстративно-гордом одиночестве шел по пустынным и еще залитым кровью улицам в баню, чтобы сразу показать, кто здесь хозяин. Или о том, как два главных героя «схватки на Крыше мира» – поляк Бронислав Громбчевский и родившийся в Индии британец Френсис Янгхасбенд – переписывались в старости, в 1920-х годах. Когда-то они были молодыми и дерзкими армейскими капитанами, доводившими едва не до истерики императоров и ставившими на уши министерства иностранных дел. А ныне бывший генерал-лейтенант царской армии, бывший астраханский губернатор, лишившийся всего из-за революции и ставший нищим пенсионером в независимой Польше, писал рыцарю Британской империи (титул получен за захват Тибета), президенту Королевского географического общества, покровителю покорителей Эвереста и основателю новой религии.

И письма эти были – за слабым знанием Громбчевским английского и незнанием Янгхасбендом польского и русского – на фарси. Языке, которым оба бывших разведчика владели в совершенстве.

И последнее – о названии. Михаил Африканович Терентьев, участник Большой Игры, ставший ее первым, и на долгие годы главным летописцем², в своих очерках «Туркестан и туркестанцы» вспоминает интересную деталь. После нашего завоевания Средней Азии местные жители уверяли, что зимы в Туркестане после прихода русских стали гораздо суровее – русские, мол, принесли с собой холод. Занятно, как они объясняли этот факт. Аллах, утверждали они, любит русских, иначе не отдал бы нас им во владение. А поскольку русские любят холод, он и сделал климат попрохладнее – чтобы им легче здесь жилось.

Когда я пересказал это своей жене – профессиональному историку, изучающему дореволюционный Дальний Восток, она ответила, что зазейские маньчжуры в Амурской области

---

¹ Киплинг Р. Песнь мертвых. Перевод Н.Голя.

² Его фундаментальный трехтомник «История завоевания Средней Азии» до сих пор является настольной книгой всех, занимающихся этой проблемой. Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. СПб., 1906

говорили то же самое – никогда, мол, у них не было таких холодных зим, как после прихода русских.

В этой книге рассказывается о них – людях, приносивших холод. Людях, раздвигавших пределы России.

Они все по-разному жили и по-разному скончались. Сейчас они все мертвы. Но без них не было бы меня.

Эти книги – просто попытка отдать долг. По крайней мере, я попытаюсь.

Вадим Нестеров

Предисловие к первой книге

Эта история началась как роман Майна Рида или Генри Хаггарда. Таинственный туземец, пришедший с юга, под страшным секретом поведал великую тайну о несметных богатствах, манящем золоте, спрятанном в неведомых экзотических землях... И случилось это в самом начале XVIII века, при царе Петре, позже прозванном Великим.

Стоп! – скажете вы. Если мы говорим о Большой игре, о соперничестве империй в Центральной Азии во второй половине XIX века, почему рассказ начался даже не со «времен Очаковских», а гораздо раньше? При чем тут Петр Первый, если до Большой Игры еще почти полтора столетия?

Извольте, объяснюсь. Дело в том, что когда ты начинаешь рассказывать что-нибудь из истории, самое трудное – это выбрать точку отсчета. Начинать рассказ, как известно, следует с начала. А как быть, если этого начала вовсе и нет? Историю не зря во все времена и едва ли не у всех народов сравнивали с рекой³, великой рекой времени.

У вод этой реки нет ни начала, ни конца, они постоянно перемешиваются то разливаясь по половодью, то бурля на перекатах. Искать начало бессмысленно, ни одно событие в истории не начинается вдруг. У всего есть своя предыстория, без знания которой ты не поймешь и половины происходящего. Рассказать предысторию? Она тоже не в результате Большого Взрыва образовалась. Поэтому, чтобы не забираться в мафусаиловы времена, историку надо найти разумный компромисс, напрячься и все-таки принять волевое решение – откуда стартуем.

Меня, как вы видите, занесло довольно далеко вверх по течению. Настолько далеко, что в этом томе никакой Большой Игры не будет – не доберемся мы до нее. В первой книге я успею только рассказать о людях, которых называю Предтечами, людях, которые ушли в лучший мир, даже не подозревая о том, какому процессу они положили начало.

Столь ранний старт обусловлен вот чем. У Киплинга в процитированном выше стихотворении «Песнь мертвых», самом, может быть, «имперском» его стихотворении, есть строфа, которая кажется там ни к месту – настолько она выпадает и по размеру, и по смыслу:

*...И Дрейк добрался до мыса Горн,
И Англия стала империей.
Тогда наш оплот воздвигся из вод,
Неведомых вод, невиданных волн.
(И Англия стала империей!)⁴*

И я подумал – хорошо англичанам, у них все понятно: Дрейк добрался до мыса Горн, Англия получила заморские владения и стала империей. А когда стала империей Россия? Когда Иван Грозный свалил Казанское и Астраханское ханства? Когда мы присоединили Сибирь и Дальний Восток? Когда Петр Великий наделил страну имперским статусом?

Думал долго, и вот к чему пришел. По моему не претендующему на истинность мнению, империей страна становится тогда, когда переваривает, если можно так выразиться, чужие народы. Во-первых, чужие, а во-вторых – народы.

Именно поэтому, например, включение в свой состав казанских и астраханских татар еще не сделало Россию империей. Да, волжские татары были самобытным народом со своими традициями государственности, но они были слишком похожи на великороссов – такой же

---

³ В Японии, например, традиционные ежегодные исторические сериалы на главном телеканале страны NHK так и называются – «тайга», то есть «река (времени)».

⁴ Перевод Н.Голя.

крестьянский народ, неотличимые от русских деревни с избами, лугами и пашнями, те же бани, те же лапти, те же заботы и те же радости.

А присоединенные в процессе завоевания Сибири «иностранцы» – очень сильно отличающиеся, чужие в полном смысле этого слова, – не были народами. Это были мелкие племена, несопоставимые с русскими ни по численности, ни по уровню развития.

Получается, что Россия, формально объявленная империей 22 октября 1721 года, когда, по прошению сенаторов, Петр I принял титул Императора Всероссийского, на деле никакой империей еще не была.

Да, к XVIII веку Россия подошла огромной державой, одной из крупнейших на планете. Но не стоит забывать, что до сей поры, несмотря на гигантские темпы расширения территории, население этой державы осваивало либо незаселенные, либо слабозаселенные пространства. Это было, по большому счету, просто растеканием. Когда зажатое с одной стороны Литвой, с другой – татарами Московское княжество прорвало восточную стенку, люди оттуда просто выскочили на оперативный простор. Да, они совершили беспрецедентный бросок «встречь Солнцу», прошли континент насквозь, от Урала до берегов Тихого океана, за смешной для истории срок длиной в одну человеческую жизнь. Но шли по практически пустой территории, где не было не только государств, но даже сильных племенных союзов.

Московиты брали ничейное, присоединенные Сибирь и Дальний Восток, были, по европейским меркам, незаселёнными пустынями. Поэтому и вопрос – что делать с новыми поданными на новых землях – перед русскими властями практически не вставал. Новоприбывших поданных было так мало, что никаких особых проблем туземцы не доставляли. Схема взаимоотношений была отработана задолго до нас: вы платите ясак, и мы к вам не лезем, живите как хотите. Охотьтесь, рыбачьте, пасите своих оленей, а поднимать хозяйство на новых землях мы будем без вашей помощи, исключительно собственными силами, заселяя пустоши избыточным русским населением. Благо, это оказалось нетрудно – вокруг были все те же привычные леса и реки, да и климат не огорошил неожиданностями. Земледелие в сибирских землях мало чем отличалось от хозяйствования на Русском Севере, тамошние выходцы, собственно, Сибирь большей частью и осваивали. В общем, прижились русские там без особого труда.

Так, растекаясь, потихоньку заняли все пригодные и не сулящие неожиданностей земли. В советское время постоянно говорили о мирном характере присоединения Сибири – мол, все местные народы переходили под нашу руку исключительно добровольно и с песнями, а сами мы были образцом гуманизма – ни капли крови, ни слезинки ребенка. Сегодня, конечно, концепция нашей исключительной травоядности уже скорректирована. Всякое случалось, бывали и жестокие битвы, и (как в случае с чукчами, народом исключительно воинственным и свободолюбивым) масштабные карательные экспедиции⁵. Тем не менее, несмотря на все разоблачения, концепция в основе своей осталась прежней – присоединение Сибири было преимущественно ненасильственным.

А знаете, почему она осталась прежней? Потому что это правда.

Дело не в каком-то нашем миролюбии жителей Московского царства. Они, как я уже говорил, шли преимущественно по пустым землям. И, если сталкивались с сильным противником, (обычно это происходило тогда, когда землепроходцы поворачивали к югу и наткнулись на давно обосновавшиеся в лесостепи крупные кочевые племена скотоводов), то чаще всего не принимали боя, а обходили и шли дальше своей дорогой. Потому как, во-первых, людей традиционно не хватало – ватаги первопроходцев были малочисленны до смешного. А кочевники – прирожденные воины по природе своей – были слишком серьезным противником. Ну, а главное – какой смысл лезть на рожон, если земли свободной вокруг столько, сколько стис-

---

⁵ Возглавлявший карательный отряд драгунский капитан Дмитрий Павлуцкий в итоге стал одним из главных злодеев в чукотском фольклоре, составив компанию всяким келе и прочим сказочным демонам.

нутому малоземельем европейцу и во сне не привидится? Зачем копыя ломать, если и тебе, и противнику, и правнукам вашим – всем будет с избытком, отрезай себе хоть сто десятин? Всерьез влезли в драку только однажды – зацепившись с маньчжурами из-за Албазина, и то, только потому, что ни одно уважающее себя государство не ушло бы без боя с такой великой реки, как Амур⁶.

В общем, когда свободная земля кончилась, сменившись океаном, и русские завершили свой Великий бросок на Восток, выяснилось, что страна получилась какая-то странная. Великое княжество Московское, из которого все эти ватаги отправились на завоевание Сибири, было нормальным государством – средневропейского размера, равносторонним и равнобедренным, нормально вытянутым и по вертикали, и по горизонтали. А теперь... Теперь у наших предков была невероятно длинная страна. Умопомрачительно длинная. Да, они прошли континент насквозь, но именно что прошли его, простегав пол-континента тонкой и редкой ниткой не городов даже, а острогов, крепостей, вытянутых в линию. Россия стала очень узкой страной.

А это, знаете ли, не дело. Не дело, когда страна похожа на головастика – солидный кругляш из городов, людей, полей и пашен до Урала и длинный узкий хвостик обжитой земли – за⁷. Правда, до поры до времени это обстоятельство русское правительство совсем не заботило. Живут там как-то русские люди – и ладно. Пушкину шлют, хлеба из казны не просят, идолам молиться вроде не начали – ну и пусть себе живут. А у нас других забот хватает.

Вот только от бездействия ничего не менялось. Страна оставалась пугающе несбалансированной, и вариантов, собственно, было два. Либо смириться с тем, что хвостик рано или поздно отвалится; либо превращать его хоть в какое-то подобие туловища. Увеличивать площадь пригодных для жизни земель, двигаясь к югу. Как писал позже Джордж Натаниэль Керзон... Помните знаменитого лорда Керзона из революционных стихов ««Не боимся буржуазного звона – ответим на ультиматум Керзона!»? Тот самый, да. Он, кстати, не только ультиматумы предъявлял, но и был одним из самых крупных английских деятелей Большой Игры. Так вот, Керзон в своей книге 1889 года «Россия в Центральной Азии и англо-русский вопрос» четко и ясно написал: «Россия была просто вынуждена продвигаться вперед, как Земля – вращаться вокруг Солнца»⁸.

Пришлось жителям страны, переименовавшейся за эти годы из царства в империю, все-таки двинуться к югу, хотя идти туда они очень не хотели. Как будто чуяли неладное. Хотя без всяких предчувствий было понятно, что продвижение к югу сулило большие проблемы.

Во-первых, резко менялся ландшафт, а с ним – и климат. На юге были или безводные степи, где решительно непонятно как жить речникам-русским, или вообще пустыни. Во-вторых, менялось местное население. На юге конкистадоров ждали уже не дикие тунгусы с плотностью населения полторы души на тысячу квадратных верст. Там были кочевники – многочисленные, сплоченные и очень воинственные. Пусть они и уступали русским в численности и развитии, но это был более чем серьезный противник. А за этим кочевым морем расположились уже настоящие государства – со своей историей, религией, культурой. Со старыми счетами к соседям и собственной системой мер и весов, своими великими поэтами и знаменитыми воителями, собственными вкусовыми пристрастиями, литературными памятниками, и отличными от наших рецептами блюд на праздниках.

В общем, на Юге ждали Чужие, и россияне к ним пошли. С большой неохотой, но – тронулись. Того, что в Великий Бросок на Юг они двинулись нечаянно и шли практически наугад,

---

⁶ Об этих событиях я рассказал в своей повести «Герои былых времен».

⁷ Я говорю об обжитых сельскохозяйственных землях. Вы, кстати, в курсе, что сегодня территория вечной мерзлоты занимает 63% площади России? Тогда было много больше.

⁸ Цит. по Хопкирк П. Большая игра против России: Азиатский синдром. М.: РИПОЛ-КЛАССИК, 2004. С. 520-521.

не скрывали даже сами участники этого легендарного марша, растянувшегося на полтора века. Владимир Наливкин, бывший лихим казачьим сотником во времена конквисты Средней Азии, а позже ставший едва ли не лучшим российским знатоком Туркестана, писал на исходе жизни: «Нас влекла сюда та «неведомая сила», которую, быть может, уместно было бы назвать роком, неисповедимой исторической судьбой, ибо мы шли и пришли сюда случайно⁹».

Бывший сотник и бывший дехканин не врал – действительно случайно. По пустяшному, в общем-то, поводу.

Я начал рассказ о Большой игре так издалека по одной простой причине: по моему глубокому убеждению, наша смертельно опасная подковерная схватка с англичанами в пыльном Кабуле или дерзкие рейды по непроходимым местам на склонах Гиндукуша берут начало в 1713 году.

Именно тогда Россия начала свою экспансию в Великую Степь.

Именно с аудиенции Ходжи-Нефеса у Петра Великого, когда впервые прозвучали слова о яркендском золоте, русские и начали учиться быть имперцами.

ИНТЕРМЕДИЯ

I

Но прежде, чем начать рассказ о яркендском золоте, я бы предложил осмотреться на месте. Обозреть, так сказать, поле будущей битвы. Без этого, боюсь, дальнейший разговор будет бессмысленен. И не потому, что вы глупы или невежественны, просто сегодняшние знания о географии мало помогут в том мире. Слишком уж сильно тогдашний мир отличался от сегодняшнего – некоторых привычных нам стран вроде Афганистана просто не существовало; другие государства, игравшие в те времена не последнюю скрипку в мировой политике, давно исчезли с карты мира. Некоторые – вместе с населением.

Россия в этом мире тоже была совсем не похожа на нынешнюю. Как я уже говорил, Россия тогда была очень узкой страной. Не только из-за растянутости по горизонтали. Просто никакой сегодняшней южной России еще не было. Какой там Ставрополь, какой Краснодар? Самым южным русским городом была завоеванная Иваном Грозным Астрахань, утвердившаяся, как мы помним, в том самом месте, где Волга впадает в Каспийское море. Но это был даже не пограничный город. Это был практически анклав, узкий клин, выдвинувшийся к югу, едва раздвинувший море кочевников, обжимавших его справа и слева. Реальная же граница между Россией и степным миром проходила много выше Астрахани, она тянулась по линии Царицын (ныне Волгоград) – Саратов – Самара – Уфа. Здесь заканчивалась Россия. Вот наши пограничные города, а все, что южнее – не наше.

Кстати, дальше Уфы и городов-то нормальных не было – только редкая нитка военизированных «блокпостов», пограничных пунктов, оставшихся от того самого броска «встречь Солнцу»: Тобольск, Томск, Иркутск и Нерчинск. Кроме них – просто остроги с населением в пару десятков человек, хаотично разбросанные до Анадыря и Камчатки.

Сразу возникает вопрос – как же так? Предки сегодняшних россиян за 60 лет пробежали невозможную дистанцию от Урала до Тихого океана, а здесь, на обжитых землях, в непосредственной близости от собственных родовых земель, двигались так неспешно, что им улитка фору даст, у них в начале XVIII века едва ли не Воронеж в пограничных городах ходил. Почему в районе Челябинска или Оренбурга русские появились много позже, чем на Камчатке?

А я вам отвечу одним словом – ландшафт. Нет, это не про дачный феншуй, это про среду обитания. Надо ясно понимать: население тогдашней России – это природные лесные души. Наша цивилизация родилась и выросла на берегах лесных рек. Жить в этой среде мы умеем, любим и предпочитаем: «то березка, то рябина, куст ракиты над рекой». И нам очень повезло в

---

⁹ Наливкин В.П. Туземцы раньше и теперь. Ташкент: Электрич. типо-лит. «Турк. Т-ва Печатного Дела», 1913. С. 55.

том, что вся северо-восточная Евразия представляет собой непрерывную и тотальную лесную зону, тянущуюся от Беловежской пуши до уссурийской тайги. Зона эта аккуратно переложена любимыми реками, а от прочих ландшафтов боженька избавил: из гор – один Урал, но и тот старый, приглаженный временем и невысокий. В отличие от сжатой морями, горами и соседями Европы у обитателей России всегда была полная свобода передвижения: расширайся, не хочу. Вот и пробежали землепроходцы эту дистанцию в спринтерском темпе, не покидая привычной обстановки.

А вот покидать свое любимое «зеленое море тайги» тогдашним россиянам очень не хотелось. Как и положено порядочным партизанам, из леса они выходили неохотно, медленно и с оглядкой. Даже в лежащую чуть южнее лесостепную зону, не говоря уже про степи, перебирались только самые отчаянные и забубенные головушки. Те, кто у себя набедокурил так, что домой, в родной лес, ему возврата больше не было. Таких отверженных часто собиралось довольно много, они приживались в этих непривычных местах, основывали новые деревни и даже небольшие городки. Но это были именно поселения беглых преступников – хозяйством они почти не занимались, землю не пахали, а жили в основном добычей, взятой с ближних и дальних соседей. В истории эти асоциальные элементы, бежавшие на чужие земли, остались под именем «казаков».

А благонамеренные граждане сидели в лесах, и никуда двигаться не собирались. Даже вышеперечисленные пограничные города основывали едва ли не по принуждению. Хотите знать, как появился город Уфа? Исключительно потому, что башкирам, которые уже несколько десятилетий были российскими подданными, смертельно надоело возить ясак за тридевять земель, в Казань. «А нельзя ли нам где-нибудь поближе налоговую инспекцию устроить?» – много раз интересовались они. И только после этого русские покряхтели, повздыхали и двинулись рубить город на прославленной Шевчуком реке Белой, она же Агидель. А без этого лет сто бы еще там не появлялись – чего мы не видели на этой Агидели с ее буйным населением?

Но вернемся к нашему географическому и этнографическому обозрению южного подбрюшья тогдашней России.

Как я уже говорил, самый южный русский город – Астрахань, но это, по сути, анклав – все низовья Волги и северный Прикаспий контролируют калмыки, западные монгольские племена, прикочевавшие к границам Московского царства лет сто назад.

История их вкратце такова – на рубеже XVI и XVII веков среди западно-монгольских племен произошел раскол. Основная масса, конечно, осталась на месте и создала чуть позже государство Джунгарию, но изрядная часть откочевала на юго-восток в район озера Кукунор. Еще одна большая группа монголов ушла на северо-запад: сначала в район Иртыша, а потом еще юго-западнее: в низовья Волги и степи северного Прикаспия. Здесь пришельцы первым делом договариваются с северными соседями – русскими. Калмыки дают несколько «шертей» (присяг) русскому царю, обещают защищать русские земли от набегов казахов и ногайцев, кроме того, обязуются выставлять «белому царю» воинов в случае войны. И хотя формально калмыки стали русско-подданными, на деле они жили самостоятельным ханством. Воинов – да, поставляли, калмыки участвовали во всех войнах России, начиная с Северной войны и Полтавской битвы, малый ясак платили, а больше от них ничего и не требовалось – не шалили и не грабили (ну, почти не грабили), да и ладно. Мирлюбие пришельцев объясняется просто – грабить русских калмыкам было решительно не с руки.

Лесной север кочевникам был нужен как зайцу барбекю, их интересы были на юге. Собственно, договор с русским царем был для них не более чем средством обезопасить себя с севера, а уже после этого, замилив тылы, можно и заняться, наконец, серьезными вопросами – разборками со своим братом-кочевником.

Практически весь XVII век калмыки занимались очень важным делом – отвоевывая себе кочевья, резались с вечными соперниками, тюркскими номадами: казахами и ногайцами. Реза-

лись, надо сказать, довольно успешно: ногайцев, чьи земли калмыки в итоге и заняли, вырезали практически полностью, и не стало больше Ногайской орды. Немногие уцелевшие ногайцы бежали частью к казахам, частью – на северный Кавказ. Уходящих на Кавказ калмыки преследовали, явно намереваясь и там отжать земельки, но Кавказский поход калмыков закончился неудачей. 10-тысячное войско Хо-Урлюка угодило в засаду, устроенную остатками ногайцев и отрядами вступивших с ними в союз кабардинцев. Хо-Урлюк был убит, войско разгромлено. Больше в такие авантюры калмыки не влезали – они и без того уже контролировали огромную территорию.

В начале XVIII века, когда начинается наш рассказ, Калмыцкое ханство было на вершине могущества. На юге их владения доходили до кавказской реки Терек, на севере – до реки Самары, на западе до Дона, на востоке – до реки Урал, тогда еще Яика. С Россией отношения были прекрасные, достаточно сказать, что молодой Петр Первый, уезжая в Великое посольство за границу, отправил к главе калмыков Аюке-хану особое посольство с просьбой охранять русские границы, в качестве ответной любезности предложив ежегодно обеспечивать калмыков порохом и свинцом. А несколько лет спустя Аюка отрядил в помощь Петру трехтысячный отряд, который помимо прочего, отменно показал себя в Полтавской битве.

Но это отдельная история, а пока для нас важно, что калмыки отрезали Россию от кочевников-тюрков на западе наших южных границ. Пора и нам, познакомившись с калмыками, переместиться в великое тюркское степное море.

Большая игра разворачивалась на гигантской территории – от Кавказа и Персии на западе до Кореи на востоке. Но сердцем ее, местом, где развернулись главные схватки, стала Центральная Азия. Тогда, правда, этого словосочетания никто не употреблял. Все говорили проще – «Туркестан». То есть – «страна тюрков».

Народы, говорящие на тюркских языках, расселены на огромной территории – от Средиземноморья до Якутии, от верховий Волги до северного Китая. Гагаузы в Молдавии и азербайджанцы в Закавказье, чуваша на Волге и уйгуры в предгорьях Гиндукуша, якуты в ледяной пустыне Верхоянска и балкарцы в Кавказских горах – все это тюрки. Мудрено ли, что известный Ибн Баттута и исследователь Средней Азии Арминий Вамбери как-то утверждал, что еще в начале XIX века можно было совершить путешествие из Будапешта в Пекин, общаясь только на тюркском языке.

Впрочем, традиционное значение слова «Туркестан» несколько уже. Обычно под ним понимали не всю территорию расселения тюрков, а их, условно говоря, родовые земли – территорию к северо-востоку от Персии, земли легендарного Турана, веками противостоявшего Ирану. Сегодня – это территория пяти бывших среднеазиатских республик Советского Союза: Казахстана, Узбекистана, Киргизии, Таджикистана и Туркмении, плюс тюркоязычные регионы юга Сибири – Алтай и т.п., плюс Синьцзяно-Уйгурский автономный район Китая, плюс северные провинции Афганистана, населенные преимущественно теми же узбеками, казахами и таджиками, плюс тюркские территории иранского Хорасана.

Эдакое компактное тюркское пятно в центре Евразии, где живут, прореженные ирано-язычными таджиками, всем нам прекрасно известные казахи, узбеки, киргизы, туркмены и примкнувшие к ним с юга уйгуры. Да, каракалпаков еще забыл – вечно их все забывают.

Все население Туркестана делилось на две неравные половины – кочевников и сартов.

Исторически все тюрки были кочевниками, завоевавшими эти издавна заселенные земли во времена Чингиз-хана. В тогдашних городах и селах жили люди, принадлежавшие к персидскому суперэтносу и говорившие на диалектах иранского языка – те, кого мы сегодня называем таджиками. Захватив древние города с многовековой историей, часть завоевателей ушла к северу в Великую степь и продолжила кочевать. А вот другая часть подумала, что от добра добра не ищут и осталась на месте. Осела и сменила плетку-камчу на тяпку-кетмень, скотоводство на земледелие, переняв при этом одежду, кухню и образ жизни завоеванных иранцев. Вот

этих оседлых все остальные тюрки стали называть сартами. Слово «сарт» не имеет никакого отношения к этнической принадлежности и обозначает только образ жизни. Живет в городе? Значит – сарт, а ираноязычный таджик он или тюркоязычный узбек – не имеет никакого значения. Правда, некоторая (довольно небольшая) часть узбеков продолжала кочевать – вот их, чтобы отличить от презренных сартов, называли «курама».

Те же, кто остались кочевниками, звались или казахами (кочевавшие ближе к России или Китаю) или туркменами (ставившими юрты ближе к Кавказу и Персии). Но не путайте – «туркмены» (они же – «трухмены») – это те, кто кочуют. Те, кто живут в городах, издревле возникших в оазисах туркменских пустынь – по-прежнему «сарты». При этом и презренные земледельцы, и воинственные кочевники говорят на одном языке, связаны общей историей и многочисленными родственными связями.

В итоге, осмотревшись, мы видим слоеный пирог: сидящие в лесах русские, занявшие степи северного Прикаспия калмыки, потом многочисленные племена кочевых туркмен, потом – опять древняя земледельческая цивилизация, расположенная в междуречье двух великих азиатских рек – Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи. Это несколько соседствующих государств, сильнейшими из которых являются Хивинское ханство и Бухарский эмират. Но о них русские знают очень мало – они даже с туркменами общаются не очень часто, калмыки тех через свои земли к русским пропускают неохотно.

А вот теперь, оглядевшись, вернемся к тому, с чего начали. К нашей первой попытке двинуться к югу. Попытки нечаянной, случайной и если бы не финал – даже анекдотической.

ГЛАВА 1. Предложение, от которого не отказываются

Все началось в 1713 году с совпадения – царь Петр, тогда еще не Великий, практически одновременно получил два сообщения. Начнем с более позднего. Оно было от первого сибирского губернатора Матвея Гагарина. Губернатор, живший в отдалении от начальства полным властителем изрядного куса континента – от Тобольска до Камчатки, в донесении говорил об очень важном предмете – о золоте. По добытым Гагариным сведениям, именно этот вождь-ленный металл добывают на реке Дарье в Малой Бухарии в городе Эркети (Яркенде). Князь предлагал захватить этот очень нужный город, а для этого, как обычно, протянуть от Тобольска к Эркети ряд крепостей – первую поставить на Иртыше, близ Ямышева озера, куда русские сибиряки регулярно наезжали добывать соль – а дальше плыть по Иртышу в Эркети, регулярно ставя остроги. Причем губернатор согласен был работать без ассигнований – построить крепости, укрепить их войсками и даже содержать эти гарнизоны он обещал за счет казны Сибирской губернии. Короче говоря, матерый казнокрад предлагал всего лишь расширить пределы России до нынешнего китайского Синцзян-Уйгурского автономного округа включительно.

Здесь отвлекитесь на секунду, откройте карту и посмотрите – какое расстояние от Тобольска до Яркенда (это неподалеку от Кашгара) и насколько удобно туда добираться по Иртышу. Тем не менее, царь-император сразу же начертил на донесении: «Построить город у Ямышева озера и итти далее до г. Эркети и оным искать овладеть».

Решимость Петра объясняется просто – во-первых, он, как и Гагарин, да и все прочие европейцы, имел крайне смутное представление о географии Средней Азии. Коль берется подчиненный исполнить, да еще и за свой счет – почему бы и нет? К тому же для пущей убедительности Гагарин приложил к письму мешочек с яркендским «песошным золотом», купленным губернаторским агентом где-то в Средней Азии. Но главным при принятии решения был даже не этот весомый в прямом смысле довод. Главная причина поспешной резолюции – незадолго до получения гагаринского известия на аудиенции у императора побывала странная парочка. Как аттестовал их Пушкин в черновиках «Истории Петра»: «трухменец Хаджи-Нефес и князь Саманов, персидский князек из Гиляни (перекрест, живший в Астрахани и *compère ou dupe de Hadji Nefese*¹⁰)».

Для того, чтобы рассказать вам о «трухменце с шутком» немного подробнее, чем это сделал Пушкин, нам придется вернуться немного назад во времени и перенестись южнее – на берег Каспийского моря. Астрахань издавна вела со Степью обширную торговлю. И не обязательно в самом городе – далеко не все желающие могли добраться до форпоста «урусов» через чужие кочевья. Поэтому, для некоторых племен астраханцы устраивали «выездную торговлю». С туркменами, например, издавна торговали на мысе Тюк-Караган, расположенном в северо-восточной части Каспийского моря, куда русские и татарские купцы из Астрахани добирались морем на малых судах.

И вот однажды на торжище явился большой человек – садырь (предводитель) одного из туркменских племен по имени Ходжа-Нефес. Он попросил купцов довести его до Астрахани – якобы по торговым делам. А купцам что – довезут хоть до Нижнего Новгорода, лишь бы деньги платил.

В Астрахани таинственный туркмен, покрутившись и разузнав обстановку, близко сошелся с неким князем Самановым (разными авторами именуемым также Самоновым, Замановым, Симанавым и т.д.).

---

¹⁰ «подручный или шут при Ходжи-Нефесе» (фр.)

Князь этот князем был весьма условным. Саманов (вернее, тогда вовсе никакой не Саманов, но подлинного имени история не сохранила) родился и вырос в Персии, принадлежал к знатному роду и был в шахстве человеком не из последних. Одно время он даже занимал должность правителя провинции Гилян – пограничной с Кавказом и также лежащей на берегу Каспийского моря. Но что-то у него там не задалось, возникли серьезные проблемы, и уже бывший губернатор вынужден был бежать морем в Астрахань, где его наверняка никто не достанет. В России он принял православие, стал Самановым и, памятуя о прошлом величии, назвался князем.

Но громкий титул – это, пожалуй, и все, что у него осталось. Он жил в Астрахани на птичьих правах, едва ли не приживалкой при богатых людях, но все-таки назвать его ничтожеством никто бы не рискнул. На Востоке особое отношение к людям, бывшим когда-то при власти и деньгах, пусть они потом и потеряли все. Там не принято топтать павших, и отнюдь не из человеколюбия, а из банальной осторожности. Даже последний погонщик облезлых верблюдов понимает – человек, который раньше был наверху, в любое время может вознестись снова. Судьба – штука переменчивая, а дорожку наверх он знает, проходил уже однажды.

Астрахань же в те времена, да и много позже всегда была восточным городом ничуть не в меньшей степени, чем русским, и столетиями жившие среди азиатов русские много переняли у соседей. Поэтому Саманов, несмотря на бедность, был вхож во многие недоступные простым смертным дома и имел связи не только в Астрахани, но и в Петербурге.

Потому, наверное, именно Саманову и открылся таинственный туркмен Ходжа-Нефес. Оказалось, туркменский вождь желает ни больше ни меньше, чем попасть на прием к самому русскому падишаху и открыть ему тайну, за которую царь Петр наверняка отвалит вестникам сказочное вознаграждение. Узнав же, что именно туркмен намерен сообщить русскому царю, беглый перс понял – вот он, его шанс! Именно ради этой встречи он столько лет сидел в Астрахани, прозябая в бедности. Сейчас и только сейчас судьба дает Саманову возможность вновь взлететь и, если он упустит эту возможность – значит ничего, кроме доли презируемого эмигранта, и не заслуживает.

Иранец быстренько привел в порядок свои немногочисленные дела и отбыл с Ходжой-Нефесом в столицу.

Никто не знает, в какую лепешку пришлось расшибаться «князю», о чем врать и чего кому сулить, чтобы добиться аудиенции у Петра, но беглый князь все-таки это сделал. Саманов с Нефесом были допущены к царю-батюшке, и там, под диким взглядом «бешеного царя», туркмен открылся. Ходжа рассказал, что на реке Аму-Дарья есть месторождения золота, и подданные хивинского хана моют там золотой песок. Более того, раньше Аму-Дарья впадала в Каспий, но потом изменила свое течение и пошла в Аральское море. И произошло это только потому, что злокозненные сарты по приказанию хивинского хана построили большую плотину и отвели реку. Если же великий царь pošлет войско, могучим урусам не составит труда разрушить плотину и пустить Аму-Дарью по старому руслу, а туркмены им в этом помогут. Потому что тогда всем будет хорошо – и урусам, которые получают золото, и туркменам, которые сейчас из-за злокозненных узбеков сидят без воды.

Петр, хоть и был невероятно импульсивным человеком, осторожничать умел хорошо, иначе просто не выжил бы на престоле, и уж тем более не сделал за свою не очень-то и длинную жизнь всего того, что сотворил. А предложение туркмена было настолько заманчивым, что впрямую было заподозрить какой-то подвох.

Во-первых, Россия, хоть и одержала только что блестящую победу в Северной войне, разгромив в Полтавской битве Швецию, тем не менее отчаянно нуждалась в деньгах. Война высосала из казны все средства, а на контрибуцию рассчитывать не приходилось – безумный и невероятно упрямый король Карл XII разорил свою Швецию куда сильнее, чем Петр Россию, и, вообще, в настоящее время с остатками войска скитался где-то в Турции, непонятно на что

надеясь. Устроить же в Хиве золотые рудники труда не составит – местные правители были противниками не из сильных. О Хиве русские, как я уже говорил, знали немного, но именно в последние годы обитатели Хорезма¹¹ отправили к «урусам» несколько посольств. Поэтому русскому царю было доподлинно известно, что все среднеазиатские ханства постоянно раздираемы междоусобными разбоями и даже войнами. К тому же, несколько лет назад, еще в 1700 году, посол хана Шаниаза лично в руки Петру передал прошение о принятии Хивы в подданство России.

Тогда ничего из этого не получилось, Шаниаза с престола согнали, соизволение на принятие в подданство Петр подтвердил в 1703 году уже хану Аран-Махмеду, который ни о какой просьбе и не подозревал. Потом началась война в Европе и дело заглохло. Ну так сейчас самое время вспомнить и поднять старые прошения.

Но главным было даже не это. Если удастся действительно отвести Аму-Дарью в Каспий, это изменит весь расклад сил на материке. На Каспии у России есть отличный и уже готовый форпост – Астрахань. Если устроить там флот, а потом отправить его вверх по реке, то наверняка можно приплыть если и не в саму Индию, то куда-то совсем близко к ее границам. Средняя Азия – где-то рядом с Индией, это всем известно, а уж богатства индийских княжеств вызывают зависть всего мира. Петр сам видел в Лондоне, с каким упорством рвутся в Индию хитрые британцы. Но им на манящий полуостров плыть через всю Европу, огибая Африку, русские же по Дарье придут к месту кратчайшим путем, напрямик. И тогда вниз по Аму потечет еще одна река – река индийского золота. Тогда Петр сможет все, что задумал.

Ставки были очень велики, и поэтому Петр, ободрив перса с туркменом, осторожничал и думал. Но когда ему на стол легло донесение сибирского губернатора, да еще в комплекте с мешочком, полным того самого яркендского золота – это был явно знак божий. О золотых приисках на реке сообщали два независимых и явно никак не связанных между собой источника. В чем тут можно сомневаться?

Для очистки совести допросили еще и хивинского посла Ашур-бека, очень кстати бывшего в русскую столицу просить помощи для одолеваемого недругами хана. Посол сведения о золотых приисках подтвердил, более того – посоветовал поставить крепость с сильным гарнизоном в том месте, где Аму впадала в Каспий. Обрадованный Петр выдал в помощь хану 6 пушек с порохом и снарядами и отправил посла обратно в Хиву, наказав Ашур-беку по прибытию разведать пути в Индии, и при возможности привезти оттуда барсов и попугаев, а он уж в долгу не останется...

Добрые вестники тоже не остались без награды. Мечта Саманова сбылась – он получил высокий чин стольника и был с почетом оправлен обратно в Астрахань, Ходжи-Нефеса же царь задержал в Москве.

Итак, решено – экспедиции быть. Вот только делать надо все не наспех, не с кондачка, а с толком, по уму. И, главное – нужен верный и надежный человек, которому можно поручить это дело.

И такой человек у Петра был.

---

¹¹ Это синонимы. Собственно, «Хивинское ханство» – это просто принятое в русской исторической традиции название древнего Хорезма в последний период его существования.

ГЛАВА 2. Черкес

Звали его простым русским именем Александр, и служил он в немалом чине капитан-поручика лейб-гвардии Преображенского полка. Вы скажете – раз «лейб-гвардии», значит, не простой паренек – и будете правы. Александр был князем, вхожим в высшие круги русской аристократии, и, самое главное, – был женат на Марье Голицыной, дочери князя Бориса Александровича Голицына, который был «ближним боярином» ещё при Алексее Михайловиче, и именно его надзору «тишайший» царь поручил воспитание юного царевича Петра. Быть зятем «дядьки царя» – есть ли участь завиднее?

Но выбор Петра был обусловлен вовсе не только «близость к телу». Александр для выполнения предстоящей задачи подходил идеально по всем параметрам.

Во-первых, возраст. Он не был ни безусым мальчишкой, который по горячности может наломать дров, ни старцем, здоровье которого могло просто не выдержать тягот предстоящего похода. Александр был зрелым мужчиной, уже набравшимся опыта, но не растерявшим пока ни силу, ни здоровье.

Да, он был одним из «царевых любимчиков», но тогда все знали – быть рядом с царем это не только «пирог да пышки». Ближнее окружение царь не жалел так же, как и весь русский народ, а спрашивал еще и посерьезнее. Как и многие молодые люди из ближнего окружения Петра, Александр в 1707 году был отправлен в Европу – учиться иноземной премудрости. В отличие от, опять-таки, многих других, за границей Александр не баклуши бил, а усердно постигал корабельную науку и вернулся в 1711 году, блестяще освоив и кораблестроение, и навигацию.

Его квалификацию в этом деле царь проверял лично и не один раз. Так кому, как не одному из лучших моряков страны претворять в жизнь проект, полностью завязанный на плавании по Каспию да сплаве по рекам?

Кроме знания штурманских и судостроительных премудростей, кандидат не был невеждой и в дипломатических делах, что в планируемой экспедиции будет очень важно. Сразу по возвращении из-за кордона, в 1711 году, когда резко осложнились отношения с Турцией, Александр был отправлен царем в Кабарду – договариваться с тамошними князьями о возможном союзе в предстоящей войне. И миссию свою выполнил блестяще.

И, наконец, самый главный аргумент «за».

В той, прошлой, жизни Александра звали Девлет-Гирей-мурза, он был черкесом из знатного кабардинского рода (отсюда и фамилия Черкасский), и тюркским языком, который был на Кавказе «лингва франка», владел как родным.

Точнее, его звали Жансох, и это было его кабардинское имя. А «Девлет-Гирей» (или, по другой версии, Девлет-Кизден) – это его мусульманское имя. А вот когда и при каких обстоятельствах этот кабардинец получил русское имя Александр Бекович Черкасский, наверное, навсегда останется загадкой.

И здесь надо кое-что объяснить. Литература о Бековиче огромна – это сейчас давняя история почти забыта, а раньше, как говорил Шаратов Горбатову, «дело-то громкое было». Достаточно сказать, что еще до революции одно перечисление (правда, с комментариями) исторических работ, посвященных этому эпизоду российской истории, составило толстую книгу. Писали (и до сих пор пишут) о Бековиче очень много, но сейчас уже все больше публицисты типа меня, а вот историки – крайне редко. И объясняется это невниманием ученых тем, что родоначальнику знаменитого рода Бековичей-Черкасских очень повезло – ему достался великодушный исследователь, который «закрыв тему».

Я много раз говорил и не устану повторять: профессия историка – родная сестра профессии детектива. Вот только не каждому историческому «преступлению» достается свой Шерлок Холмс или Ниро Вульф. Этому эпизоду русской истории повезло.

Дело в том, что результаты экспедиции Бековича еще с царских времен считались безвозвратно утерянными – считались, пока за дело не взялась Екатерина Андреевна Княжецкая. Она была даже не историком, а профессиональным библиотекарем и библиографом, и занималась комплектацией библиотек по трассе строительства Туркменского канала. Тогда она и увлеклась географией, историей и картографией и выпустила уникальный библиографический указатель «Западный Узбой». Узбой – это то самое легендарное «старое русло Аму-Дарьи», впадавшее в Каспийское море. При исследовании этой загадки Екатерина Андреевна закономерно заинтересовалась экспедицией Бековича, и через несколько лет, к изумлению научного мира, в 60-х годах XX века и раскрыла этот «глухарь» двухвековой давности, обнаружив бумаги экспедиции. Случай беспрецедентный и сопоставим разве что с тем, когда крупнейший советский знаток Большой Игры, профессор Нафтула Аронович Халфин нашел знаменитый «архив Рафаилова», который искали несколько русских царей в течение двух столетий. Впрочем, о Рафаилове речь впереди.

Так вот, в работе сыщиков и историков, при невероятном сходстве этих профессий, есть и одно серьезное отличие. Любой опер вам скажет, что подавляющее большинство преступлений раскрывается по горячим следам. Любой историк просветит вас, что практически все исторические загадки раскрываются «через задницу». В смысле – после очень долгой и невероятно кропотливой работы в архивах. Чтобы найти «карту Бековича» через 250 лет, когда, казалось, все кануло в Лету и время безвозвратно упущено, Екатерине Андреевне пришлось провести в архивах десять лет жизни. Как она пишет в предисловии к научно-популярной версии своей монографии, «десять лет назад была начата работа по собиранию материалов о Черкасском. Собиралось все, когда-либо написанное о нем. Предприняты были поиски неопубликованных документов в архивах Москвы, Ленинграда и других городов нашей страны¹²».

Когда поиски завершились, всем остальным делать на этой поляне было нечего. И только популяризаторам вроде меня – раздолье. Иди в библиотеку и бери книжку – там есть все. К сожалению, в истории Большой игры этот случай скорее исключение, чем правило. Громадное поле Большой игры в отечественной историографии до сих пор изобилует белыми пятнами и остается практически неисследованным. Вы даже не представляете, какое великое множество загадок терпеливо ждут своих мсье Пуаро и мисс Марпл.

Но я, похоже, отвлекся, вернемся к нашему герою. О раннем периоде жизни Александра Бековича Черкасского известно немного. Сейчас у кабардинских краеведов принята красивая версия, очень похожая на историю «Арапа Петра Великого». Мол, по семейным преданиям, Жансох еще мальчишкой сидел в аманатах в Азове, откуда его и освободили русские войска, а Петр, заметив смышленного парнишку, отдал его на воспитание своему «дядьке». По другим сведениям – он в юности был тайно похищен русскими у отца, кабардинского князя, и, опять-таки, взят в дом Бориса Алексеевича Голицына. По третьим – юный Александр с отцом бежали в Россию от преследований персидского шаха, собиравшегося взять жену кабардинского бека в свой гарем.

На самом деле никаких достоверных сведений о юных годах Бековича просто не существует. Первое документальное сообщение о нашем герое относится уже к 1694 году, когда Александр Черкасский был зачислен прапорщиком в Преображенский полк. Документы свидетельствуют, что Бекович действительно воспитывался в семье Голицына вместе с молодыми князьями, женился на Марфе Голицыной – по отзывам современников, одной из красивейших женщин своего времени – и ездил по учебной части за границу и по дипломатической – в

---

¹² Княжецкая Е.А. Судьба одной карты. М.: Мысль. 1964. С.7.

Кабарду. Во время этой поездки он, судя по всему, восстановил отношения с семьей, а после Кубанского похода, в котором воевал под началом казанского губернатора Петра Апраксина – подал царю записку с проектом присоединения к России Северного Кавказа.

Есть еще описание внешности Бековича-Черкасского, довольно раннее: секретарь посла австрийского императора записал свои впечатления от приема у Голицына: «С целью блеснуть своим гостеприимством, он приказал двум своим сыновьям прислуживать ... господину послу; к ним присоединил молодого черкесского князя, недавно еще похищенного тайно у своих родителей... В выражении лиц Голицыных видна скромность, в чертах же черкеса – благородство и твердость духа, обличающие воина по происхождению».

Да, и последнее – для понимания. Наш Александр был основателем довольно известного дворянского рода Бековичей-Черкасских, давшего России немало славных имен. Но у него самого «Бекович» было не частью фамилии, а отчеством, взятым от «титула» отца: «сын бека»=«Бекович». В тогдашних документах нашего героя так и именовали: «князь Александр Беков сын Черкасский». И только потом, после его смерти, влиятельнейший клан князей Черкасских, выехавших на Русь еще с женой Ивана Грозного Марией Темрюковной, не пожелал терпеть в «однофамильцах» всяких выскочек и настоял на двойной фамилии конкурентов.

Вот, собственно, и все, что известно об Александре Бековиче Черкасском до того момента, как царь Петр поручил ему выполнение дерзкого проекта. Но не только ему, впрочем. Верный принципу всех радетельных властителей, яйца в одну корзину Петр не складывал, поэтому к золотым приискам должны были отправиться две экспедиции, причем выходили они с разных сторон – одна из Астрахани, другая из Сибири.

Грех был бы не воспользоваться предложением губернатора Гагарина, предложившего взять обеспечение экспедиции «на свой кошт», поэтому первая команда должна была выступить из Тобольска, и, поднявшись по Иртышу до Ямышева озера, заложить там крепость, а следующей весной идти на поиски города «Иркенья» и захватить его.

Вторая, во главе с Черкасским, должна была добираться к Яркенду с берега Каспийского моря через Великую Бухарию, то есть западный Туркестан.

Таким образом, план императора был обречен с самого начала.

Потому, что «привязка к местности» была сделана по принципу «Где мой дом, где Кура?». Город Яркенд, как я уже говорил, расположен в Малой Бухарии, то есть в Кашгарии, Восточном (он же Китайский) Туркестане. Стоит он на речке Яркенд-Дарье – сравнительно небольшой речушке, стекающей с гор. Золото в ней действительно добывали, вот только приплыть к нему ни по Иртышу, ни по Аму-Дарье невозможно. Даже если не учитывать расстояния, которые пришлось бы преодолевать экспедициям, Бухгольцу преградил бы путь Тянь-Шанский хребет, а Черкасскому – Памир.

Самое смешное – в то время Российская новорожденная империя располагала всеми данными, прекрасно демонстрирующими нелепицу этого плана в стиле «он шел на Одессу, а вышел к Херсону». Очевидно, на решение Петра сильно повлияли традиции европейской картографии. Он не знал про Аральское море потому, что Европа в то время была убеждена – Аму-Дарья впадает в Каспийское море, и на всех европейских картах, которыми, в основном, и пользовался Петр, устье этой великой азиатской реки было исключительно там.

Меж тем, в распоряжении русских уже была карта, составленная переводчиком Посольского приказа Андреем Виниусом в конце XVII века, где прекрасно разведены и Сыр-Дарья, и Аму-Дарья, и обе они, как и положено, впадают в Аральское море. И не только карта Виниуса. Была великолепная «Чертежная книга всей Сибири», составленная – сюрприз! – по личному распоряжению Петра в 1701 году боярским сыном Семеном Ремезовым, где мало того, что обе Дарьи впадали в Арал, так еще и город Яркенд был обозначен. Обозначен совершенно правильно – «град Еркеть» на этой карте находится в бассейне «реки Еркеть», а не Аму-Дарьи.

Наконец, как выяснилось во время следствия по итогам этой авантюры, изрядное количество сибирских купцов (пусть и мусульманских) торговали с Яркендом и вполне адекватно описывали его расположение.

Почему все эти сведения не были приняты в расчет при планировании операции – можно только гадать. Скорее всего, свою роль сыграл извечный наш бардак. Купцов опросить забыли – не до этого, золотом пахнет! – а карты куда-нибудь сунули, не удосужившись толком с ними ознакомиться. А то и просто потеряли, как это случилось, например, со «скасками» Семена Дежнева, из-за чего Берингов пролив нам пришлось переоткрывать заново, или с картами самого Черкасского, которые так надежно потеряли, что нашлись они только два с половиной века спустя. Все же в спешке, все второпях, ну а когда уже царь-батюшка решил – что подделывать? Переигрывать уже никто не будет.

В общем, герой наш получил предписание, состоящее из нескольких пунктов. Приведу его целиком, оно короткое:

«Указ капитану порутчику от лейб-гвардии господину князю Черкасскому 29 мая 1714 году

1. Ехать ему в Астрахань, а прежде заехать в Казань и объявить губернатору о своем деле, дабы людей, судов и прочего, что к сему надлежит, ему дали, а именно: 1500 человек с надлежащими судами, провиантом и прочим, также на всякие дачи взять денег 5000 рублей.

2. Взять тех людей, ехать от Астрахани возле левого берегу до такого места, где просил хивинской посол, чтоб нам построить город.

3. А как на то место приедет, то проводывать о Дарье реке тамошными жителями тайно и с ними посланными, а потом и самому ехать возле того левого берега и до самой персидской границы, а разглашать, будто то место неудобно к поселению и для того поехал искать кое удобнее.

4. Взять из Астрахани для сего пути морских нескольких человек и делать карту, как берегу морскому, так и рекам и пристанищам.

5. А когда, с помощью божиею найдет оную реку, то послать вверх проведать по оной, а на устье зделать крепость небольшую, ежели возможе от налету тамошних народов держана быть могла 4 или 6 стами. Буде же таким малым числом удержатца не может или время будет позно или иное какое препятие...

6. Провианту взять довольство для всякого случая, пушек железных 6 или 7, для того ежели построят шанец, чтоб в нем оставить.

7. О призыве горных народов прилагается при сем сенату указ, дабы в том учинили по вашему предложению».¹³

В принципе, все понятно. Взять в Казани людишек, добраться по берегу к старому руслу Дарьи, сказать, что место неудобное, разведать берег Каспия до персидской границы, а если повезет, и новое устье Дарьи сыщется раньше персидской границы – отправить вверх по течению разведчиков, а самому ставить в устье крепость. Ну и чтобы приободрить отправляемого на подвиг – царь сообщил Бековичу, что записка его о присоединении кабардинцев уже отправлена в Сенат для выработки мер по реализации этой похвальной инициативы.

Все, машина запущена, шестеренки закрутились. Александр Бекович-Черкасский, естественно, был не в таком ранге и не в тех чинах, чтобы вершить этот масштабный проект единолично. Поэтому «куратором» к нему приставили большого человека, президента Адмиралтейств-коллегии, адмирала Федора Апраксина, которому Бекович должен был докладывать обо всем важном.

Ждать было больше нечего, и Александр Бекович отправился совершать подвиг.

---

¹³ Цит. по Княжецкая Е.А. Судьба одной карты. М.: Мысль. 1964. С.107.

ГЛАВА 3. В поисках старицы

Так Александр Бекович Черкасский стал одним из первых наших Игроков, и уж точно – первым Игроком с практически неограниченными полномочиями. Естественно, молодой человек прекрасно понимал, что его будущее полностью зависит от того, сможет ли он выполнить задачу, поставленную Петром. Поэтому за дело взялся рьяно.

13 августа 1714 года он прибывает в Казань, и, явившись к губернатору Петру Самойловичу Салтыкову, всесильному правителю «околокочевой» России, вручает ему решкрипт о своих полномочиях. После чего требует собрать полторы тысячи бойцов и много денег. Пять тысяч рублей ему были выделены, людей же так быстро собрать не было возможности, поэтому Бекович, не дожидаясь конца сборов, велит по готовности отправить его будущее войско в Астрахань, а сам отбывает туда, не проведя в Казани и трех дней – 16 августа.

В Астрахани же начинаются первые проблемы – ни одного годного для морского путешествия судна там не оказалось, только рыбацьи да купеческие посудины. Флот для экспедиции нужно было строить с нуля, этим Бекович и занимается всю осень. Но отнюдь не только судостроением были заняты помыслы царского эmissара. В Игре информация частенько значит не меньше, чем воинская сила, а Александр Бекович, к его чести, хорошо это понимал. Он вообще был неплохим Игроком, этот горец, ставший мореплавателем, по крайней мере, демонстрировал очень неплохие задатки. Едва прибыв в Астрахань, он начинает собирать информацию, и меньше чем через две недели после прибытия, 1 сентября, уже отправляет в центр первое донесение. В письме президенту Адмиралтейств-коллегии адмиралу Федору Матвеевичу Апраксину (только что одержавшему первую в истории России морскую победу русского флота – разгром шведской флотилии у мыса Гангут) он писал:

«О себе Вам, моему государю, доношу: в приезд свой в Астрахань осведомился чрез жителей астраханских о реке Дарья, откуда течет, где падает устьем. Сыскал таких людей, которые знают оную реку, называют Аму-Дарья, сказывают, что не малая река, берется вершиною от Индеи, течет бухарскою землею и хивинскою, падает в озеро, названием Аранское¹⁴ море, которое имеет расстояния от Каспийского моря 14 дней ходу; иные сказывают, будто малый проток есть из озера в море Каспийское, только такого человека нет, который видел; сказывают, что слышали. Для лутчаго уверения поеду сам и буду свидетельствовать морем. И от моря, сказывают, ни один человек не бывал николи в тех местах, где мне повелено ехать, однако, буде воля творца всех, принужден [туда] ехать.

Доведывался от здешних жителей о материи, о чем имеем старании¹⁵, подлинного известия не получил; сказывают, что в бухарской земле есть близ реки Аму, только подлинного свидетеля нет, кто б сам видел оно место, того ради послал тайно верх по реке Аму, которая названием Дарьею-рекою, велел подлинно осведомиться. Також-де послал по озеру, где пала Аму-река, велел осмотреть, каким местом пала в озеро, есть ли из озера проток в Каспийское море. Доколе возвратятся оные посланные, сам буду ездить по морю проведывать пристани и реки, какие пали в море, как мне указ повелевает.

Князь Александр Черкасский».

Чуть ниже – дописка: «Во известие вам доношу: хана хивинского, от которого ныне был посол у царского величества, онога хана хивинцы, взбунтовав, убили и на его место другога ханом учинили»¹⁶.

---

¹⁴ Аральское

¹⁵ Думаю, понятно, что речь идет о золоте?

¹⁶ Цит. по: Русско-туркменские отношения в XVIII-XIX вв. (до присоединения Туркмении к России). Ашхабад: АН

Можно только удивляться кипучей активности кабардинца. За полторы, практически, недели, он уже успел организовать постройку флота, собрать абсолютно верную информацию, которая вскрыла важные ошибки в планировании экспедиции. Мало того – за эти считанные дни Черкасский успел найти, завербовать и отправить в Хиву, Бухару и к Аральскому морю свою агентуру. Как минимум двое из посланных оказались очень толковыми шпионами, но об этом чуть позже.

Что касается приписки, то, действительно, свистопляска на хивинском престоле продолжалась. Муса-хан, в русских источниках именуемый «Адгер Магмет Багадур», от которого и прибыл к нам вышеупомянутый разговорчивый посол Ашур-бек, был убит заговорщиками, и на престоле воцарился Ширгази-хан. Он был уже третьим правителем Хивы с момента начала этой истории, что лучше всего подтверждало мнение Петра о неладах в хивинском царстве-государстве. Посла Ашур-бека, кстати, Бекович обнаружил там же, в Астрахани – бедный награжденный хивинец не особенно спешил на родину, где к власти пришла вражеская группировка. От него, скорее всего, петровский эмиссар и получил информацию о хивинском дворцовом перевороте. Наградные пушки Бекович у посла отобрал – нечего их отдавать невесте кому, самим пригодятся. Да и послу, подумав, велел сидеть в Астрахани, ожидать царской воли, чему тот, думается, был только рад.

Наконец, поздней осенью суда для морского похода были достроены. 7 ноября флотилия из 2 шхун, 27 морских стругов и одной бусы¹⁷, на которых разместилось все войско Бековича – почти 2000 человек, вышла в море. Флот, как и наказал Петр, двинулся по левому берегу по направлению ко второму российскому форпосту на Каспии – столице яицких казаков городку Гурьеву. Но в данном случае неумность и горячность Бековича сослужила дурную службу – на полпути флотилия была затерта льдами и пристать к берегу оказалось невозможно. Почти месяц они дрейфовали по морю, наконец, потеряв 4 судна, в начале декабря флот смог вернуться в Астрахань. Зимний Каспий, как выяснилось, не лучшее место для морских экспедиций. Надо было ждать весны. Вынужденное зимнее безделье, похоже, сильно тяготило князя. Кроме того, ему нужны были верные люди, на которых он мог бы полностью положиться. В декабре он пишет в Казань Салтыкову с просьбой отправить к нему весной 500 яицких казаков, велит строить 20 новых бригадин и уезжает на родину, в Кабарду. Вернулся Бекович уже ближе к весне с небольшим отрядом кабардинцев, в числе которых были и его братья.

Первое плавание оказалось неудачным, но Бекович прекрасно понимал – идти вслепую нельзя, а реальное положение дел в Астрахани не узнать – его можно разведать только на месте. Посуху туда не дойти, значит, нужна морская экспедиция. Во что бы то ни стало нужна.

Вторую попытку выйти в море сделали 20 апреля 1715 года. В этот день в море вышла флотилия из 20 новых бригадин, на флагмане «Святой Петр» шел Бекович, в поход с ним отправилось полторы тысячи человек. До Гурьева дошли благополучно, здесь Бековича уже ожидала отряженная Салтыковым полутысяча яицких казаков. К сожалению, с ними вышла незадача – Бекович, похоже, собирался отправить их, двигаясь сушей исследовать берег, но места там были совершенно гибельные, в чем вскоре убедился и сам князь. Если бы не помощь туркменских племен, экспедиции пришлось бы солено, не случайно по возвращении Бекович докладывал Апраксину: «ежели б милостивый бог не умилосердил оных народов к нам, не безбеден был бы живот¹⁸ наш, понеже, мой милостивый государь, места, где мы имели путь наш в великих в страхах, на миль 60 безмерно крутые горы каменные, а иначе рещи¹⁹ вутескамень; не токмо среднему судну пристать, но и малому неможно, и некоторые суда потеряли,

ТуркмССР. 1963. С. 24.

¹⁷ Буса – традиционный русский тип судна, довольно большого, с одной мачтой и прямыми парусами, употребляемый в Астрахани и на Каспийском море.

¹⁸ «жизнь»

¹⁹ «иначе говоря»

а людей отспасал, по се время за помощью божиею вкупе невредимы»²⁰. И действительно, известный исследователь Каспия Григорий Карелин писал об этих местах в середине XIX века: «Грунт каменистый и якорные стоянки при западных ветрах гибельны. Только гибельный случай может занести сюда на смерть или тяжелую неволю»²¹.

В общем, идти сушей было никак невозможно, и казакам, похоже, удалось убедить в этом Бековича; разместить же эту кавалерию на судах нечего было и думать. Поразмыслив, начальник экспедиции распустил казачью вольницу по домам, сам же с пехотой поплыл дальше – к тому самому торговому мысу Тюб-Карагану, где впервые появился Ходжа-Нефес.

Здесь у Бековича была назначена встреча с большим человеком – предводителем местных туркменских вождей султаном Сайдали, который, собственно, и отправил год назад Ходжу-Нефеса к русским. Доверие внушало еще и то обстоятельство, что Сайдали признавал власть калмыцкого хана Аюки, который, как мы помним, был русским подданным.

На этой встрече крещеный кабардинец снова встретился со старым знакомцем – когда он попросил у туркменов проводника, в помощь к нему отрядили все того же Ходжу-Нефеса, заявив, что он будет с русскими до конца. Сайдали подтвердил русскому князю, что повернуть Аму-Дарью в Каспий вполне возможно, для этого следует только разрушить ту самую злосчастную плотину и прорыть канал примерно 20 верст длиной. А чтобы у русского вождя не осталось сомнений, туркменские лидеры предложили русским отправить небольшую рекогносцировочную партию, которой Ходжа-Нефес все покажет на месте.

Разведку Бекович поручил двум астраханским дворянам – Николаю Федорову и Ивану Званскому. Кроме них и Нефеса, небольшой отряд составили трое неназванных астраханцев, толмач Тоймасу и двое туркмен. Основная экспедиция должна была отправиться дальше по побережью и ждать возвращения разведки в заливе Кызыл-Су, Красная вода.

Ну что – наш герой пока очень неплохо справляется с царским поручением. Флотилия создана, морские плавания начались, а отправленный отряд вскоре должен был принести ответ на самый главный вопрос – возможно ли действительно повернуть воды Аму-Дарьи в Каспий?

К низовьям Аму-Дарьи в поисках плотины разведчики отправились на верблюдах по старой туркменской караванной дороге, ведущей к Хиве. Через 17 дней они практически дошли до места, до реки оставалось, по словам проводника, версты две. Здесь, в урочище Карагачи, туркмены и показали им пресловутую запруду – земляной вал около метра высотой, шириной метров шесть и тянувшийся больше чем на пять верст. Убедив русских, что это и есть перекрывающая течение Аму плотина, Ходжа-Нефес повел небольшой отряд к следующей точке – тому самому прежнему руслу Аму-Дарьи, к которому и придется, в случае надобности, копать канал.

И здесь не обманули – как и обещали, примерно через 20 верст по степи они вышли к явному сухому руслу реки, вдоль которого и двинулись. Шли три дня, и за это время Федоров и Званский смогли доподлинно убедиться, что когда-то в этих выжженных солнцем местах кипела жизнь – по обеим сторонам русла небольшой отряд постоянно натыкался на «старинные жилища, мазанки, и городки пустые, и знатно-де в том долу наперед сего вода бывала, потому что из того долу на пашни и к жилищам проведены были копаные каналы»²².

Возле урочища Атай Ибраим проводник Ходжа-Нефес остановил караван и сказал, что дальше идти нельзя – здесь начинается территория враждебных кочевых племен, и с немногочисленной группой разведчиков может случиться что угодно. Астраханцы не стали испыты-

---

²⁰ Цит. по: Русско-туркменские отношения в XVIII-XIX вв. (до присоединения Туркмении к России). Ашхабад: АН ТуркмССР. 1963. С. 25.

²¹ Цит. по Княжецкая Е.А. Судьба одной карты. М.: Мысль. 1964. С. 18.

²² Цит. по Княжецкая Е.А. Судьба одной карты. М.: Мысль. 1964. С.20.

вать судьбу и, ведомые туркменами, двинулись окольными тропами к Красноводскому заливу, где их ждал Черкасский. Обратный путь занял две недели.

Пока сухопутная разведка проверяла показания туркмен, флотилия Бековича, следуя вдоль каспийского берега, искала – где же раньше Аму впадала в море. Старое устье начальник экспедиции нашел там, где и подсказали туркмены – в Балханском заливе, расположенном в восточной части залива Кызыл-Су.

Когда же разведка вернулась, Бекович, внимательно выслушав все доклады, посмотрев топографическую съемку, и, отпустив Ходжу-Нефеса домой, все-таки засомневался. Как не крути, а полностью весь путь от плотины к побережью экспедиция не проследила. Поэтому была отправлена вторая разведка – на сей раз во главе с астраханским дворянином Алексеем Тараковским. Ей была поставлена задача – двигаясь от берега Каспия, добраться до того самого урочища Атай Ибраим, где отряд Федорова и Званского свернул с русла. Но и тут повторилась та же самая история – в какой-то момент проводники-туркмены заупрямились и наотрез отказались идти дальше, уверяя, что никакой необходимости в этом нет – русло совершенно точно то же самое, двух таких больших рек в такой близости просто быть не может, поэтому идти до конца по враждебным землям нет никакого смысла. Меж тем в Степи беспокойно, и если «урусам» так нейдет отправиться или на тот свет или в рабство, то они могут отправляться дальше одни. А им, нормальным людям, пока еще собственная жизнь дорога. Туркмены не ввали, в степи действительно шла настоящая война, но об этом позже.

В общем, отряд Тараковского тоже вернулся с полдороги, но Бекович даже не сильно им и пенял – он уже окончательно уверился, что все-таки нашел старое русло Аму-Дарьи, и, значит, первая часть царского задания выполнена, причем выполнена очень успешно. Весь маршрут, пройденный двумя отрядами по суше, был нанесен на карты, были также произведены съемки неизвестного до сей поры побережья Каспийского моря. Экспедиция погрузилась на суда, но поплыли они не на север, в Астрахань, а на юг.

Зачем?

Затем, что в царском «решкрипте» предписывалось исследовать побережье до самой персидской границы, а противиться воле первого русского императора было чревато серьезными неприятностями. Съемки береговой полосы Каспия были доведены Черкасским до Астрабадского залива, таким образом, он исследовал все восточное побережье Каспийского моря, полностью. И лишь после этого повернул назад, к российским берегам.

16 октября 1715 года после полугодичного отсутствия, экспедиция Бековича вернулась в Астрахань.

Это действительно был блестяще проведенный рейд, а наш герой, похоже, и впрямь был моряком от бога. Исследователи до сих пор удивляются, как ему удалось – при тогдашних навигационных средствах и на тогдашних судах вернуться в Астрахань, не потеряв ни одного человека. Достаточно вспомнить, например, как через полвека после Бековича восточное побережье Каспия исследовала экспедиция капитана Токмачева. Тогда цинга выкосила едва ли не половину личного состава, людские потери были огромными, а самого Токмачева на пристань выносили на носилках – настолько он ослабел от болезни.

Так или иначе, полдела было сделано. В 20-х числах октября Петр получил подробное донесение Черкасского о том, что царский указ выполнен, и старое русло Аму-Дарьи найдено. К известию была приложена составленная кабардинцем карта Каспийского моря. 27 октября Бекович получает ответ от президента (чуть было не написал – «резидента») Адмиралтейств-коллегии Федора Апраксина о том, что «царское величество трудами вашими зело доволен». Однако Петра, как, похоже, и самого Бековича, все-таки беспокоила недо выясненность вопроса о русле и плотине. Поэтому Бековичу предписывается «с божиею помощью прилагать свой труд и чрез тамошние народы как возможно домогатца подлинного известия,

далеко ль от устья той реки заплота²³». Расспросы Бекович наверняка продолжил, но его вскоре отвлекло еще одно важное дело.

---

²³ Российский государственный архив Военно-морского флота. Ф. 233, оп. 1, д. 253, л. 265. Цит. по электронной публикации <http://kungrad.com/history/pohod/bekov1/>

ГЛАВА 4. Степная война

Туркмены не вдали – в прикаспийских степях действительно шла война. И к этой войне наш герой имел непосредственное отношение. Не забыли, как в 1711 году Александр Бекович, закончив заграничное обучение и вернувшись в Россию, ездил с дипломатическим поручением в родную Кабарду? Настал черед вспомнить – зачем тогда Петру понадобилась помощь кабардинцев.

Дело в том, что на Кубани в то время правителем был Бахты-Гирей – формально являвшийся наместником (сераскиром) крымского хана и его сюзерена – турецкого султана. Фактически же, из-за слабости ханской власти и постоянных раздоров в Бахчисарае, Бахты безраздельно правил кубанскими степями и населявшими их ногайцами. Нраву этот витязь был крутого и безбашенного, за что и получил прозвище «Дели-Султан» – то есть «буйный, бешеный султан». Кстати, императора всероссийского в тех местах звали «Дели-Петро» – переведете сами. При подобном характере правителя стоит ли удивляться, что ногаи «шалили» постоянно и однажды терпение у русских властей лопнуло? А тут еще и повод подходящий подвернулся.

9 ноября 1710 года Турция объявила войну России, а в феврале следующего года десяти-тысячное войско ногаев перешло Дон и устремились на помощь крымскому хану, вторгшемуся на Украину. Вот тут Петр и собрался воспользоваться этим обстоятельством, чтобы решить ногайский вопрос раз и навсегда. В 1711 году состоялся карательный рейд на Кубань российских войск под командованием казанского губернатора Петра Матвеевича Апраксина – старшего брата «куратора» экспедиции Бековича. К рейду привлекли и калмыков, хан Аюка отправил в помощь Апраксину 20 тысяч воинов, которые прошли тогда по Кубани огнем и мечом, вырезая ногайские улусы «для самого оскудения». Вот тогда-то огромную помощь русским и оказали распропагандированные Бековичем кабардинцы. Они преградили путь срочно повернувшим домой отрядам нурадин-султана,²⁴ несколько месяцев назад ушедшим вместе с крымским ханом на Украину. Поэтому помощь вырезаемым на Кубани ногайцам так и не пришла.

Узнавшие о приближении калмыков, оставшиеся дома ногайцы начали переправляться через Кубань в горы, где «над ними поисков чинить невозможно». Тогда Апраксин-старший «калмыцким войскам дал волю итти на кубанцев вперед, которые сколько их, кубанцев, на обеих сторонах реки Кубани найти могли, всех перерубили, а жен и детей их многие тысячи побрали в полон, а лошадей и скота их отогнали весьма великое множество²⁵». Василий Бакунин, один из первых наших востоковедов, полевых этнографов и полевых же Игроков в Большой игре²⁶, знал, о чем писал. Действительно, в ходе этого рейда более 16 тыс. кубанских ногайцев было убито и около 22 тыс. взято в плен калмыками. Кроме того, их военная добыча составила 2 тыс. голов верблюдов, 40 тыс. лошадей, почти 200 тыс. голов крупного рогатого скота. В целом же, в результате похода Апраксина Прикубанье едва не превратилось в пустыню.

Потерпевший унижительное поражение Бахты-Гирей, естественно, жаждал мести, причем ярился так сильно, что полностью оправдал прозвище Дели-Султан. Но ждать он умел, иначе не был бы вождем, и лишь в 1715 году решил, что час мести настал.

---

²⁴ Нурадин – титул младшего соправителя бия (правителя), наследника бия в Ногайской орде. Название происходит от имени сына Идигея – Нур ад-Дина.

²⁵ Бакунин В. Описание калмыцких народов, а особливо из них тогоутского, и поступков их ханов и владельцев // Цит. по Митиров А.Г. Ойраты-калмыки: века и поколения. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1998. Электронная публикация: <http://kalmyki.narod.ru/projects/kalmykia2005/html/mitirov/soderganie.htm>

²⁶ Запомните фамилию, о нем мы еще поговорим.

Сначала он попытался сквитаться с русскими, и во главе многотысячного войска пошел в набег на русские земли. Казалось, ногайцы поймали фарт, мститель дошел до самой Казани, взял богатую добычу и хороший полон – 7 тыс. пленных. Но дальше ногайцу не повезло – в погоню бросился полковник Шварц. Это был давно осевший в России немец, изрядно обрусевший профессиональный вояка, продававший свою шпагу москвитам уже 18 лет. С крохотным, в сравнении с ногайцами, отрядом из 600 драгун, на вербованных из шведских пленных, он настиг «буйного султана» в 40 верстах от Казани. И здесь драгуны показали, чего стоит передовая европейская военная наука – после ловкого маневра ногайское войско оказалось под огнем пушек, и степняков буквально выкосили картечью. Кубанцы бежали, бросив русских пленных, полторы тысячи лошадей, потеряв многих бойцов пленными и убитыми. В плен попал и сын Бахты-Гирея, которого Шварц тут же распорядился повесить – в назидание дерзкому отцу.

Но Дели-Султан не уgomонился. Зимой этого же года он явился с 30-тысячным войском в астраханские степи и ударил по кочевьям калмыков. Этот дерзкий рейд ошарашил степняков своей неожиданностью – никто и помыслить не мог, что Бахты-Гирей осмелится устроить новый набег всего через пару месяцев после постыдного поражения. Калмыки просто не успели оказать сопротивления, и, имея трехкратное превосходство в силах, кубанец легко одолел старого врага, перебив при этом около трех тысяч воинов Аюки.

Калмыцкий хан вынужден был бросить кибитки и вместе с женой и малым отрядом бежал к русским. В Астрахань. Под защиту штыков отряда Бековича, который был самым крупным и боеспособным воинским подразделением в Астрахани.

На помощь Аюке губернатор Астрахани Чириков и князь Черкасский вывели трехтысячное регулярное войско, которое встало лагерем возле речки Богды. Это была огромная, по степным меркам, сила – вспомните, что натворил Шварц всего с полутысячей драгун. Когда мимо пошли возвращающиеся на родную Кубань ногайцы, русские продолжали стоять, ничего не предпринимая. Аюка кинулся к Бековичу – он прекрасно понимал, чьи воины составляли большинство русского войска, да и полномочия кабардинца были куда шире губернаторских – и умолял князя ударить по степнякам. Но Бекович в ответ заявил калмыку, что без царского указа не может начинать войну. Он охраняет Аюку и никому не даст тронуть калмыцкого хана – большего от него не просите. А охранять вас, почтенный Аюка, мы будем всегда и после этого досадного случая – будем охранять еще лучше. И действительно, именно после этого эпизода в личной охране Аюки появился отряд драгун под начальством стольника Дмитрия Бахметева.

Но Аюке тогда, думается, было глубоко плевать на собственную безопасность. Старик был воином до мозга костей, и сейчас его заботила не своя шкура, а унижение, которое он испытывал, глядя как его главные враги – ногайцы уходят неотомщенными, целыми, веселыми и с добычей.

А Бахты-Гирей беспрепятственно ушел на юг, уводя с собой, кроме пленных и добычи, еще и 1220 кибиток подчиненных Аюке юртовских татар, а также ногайцев, подчинившихся было Аюке и кочевавших в низовьях Волги – около 1 тыс. кибиток. Вслед за ним из аюкиных владений на Кубань ушли все едисанцы²⁷ и джембуйлуковцы²⁸ в количестве 10 тысяч кибиток. В общем, после этого налета население обезлюдевших после недавней резни земель Бахты-Гирея выросло более чем на 60 тыс. человек²⁹.

---

²⁷ Едисанская орда (Етысанская орда) – кочевое княжество (орда) ногайских племён, занимавшихся скотоводством и кочевавших в XVIII вв. в причерноморских степях, в низовьях Южного Буга. В XIII—XVII вв. входила в состав т. н. малых ногаев.

²⁸ Джембуйлуки – татары Ногайской орды, в начале XVII столетия кочевали по Эмбе, а в следующем – на Кубани. Постоянные притеснения со стороны волжских калмыков вынудили Джембуйлуки искать безопасности на Днепре.

²⁹ Грибовский В.В., Сень Д.В. Бахты-Гирей: фронтальные элиты в противодействии стабилизации границ Российской и Османской империй в первой трети XVIII в. Электронная публикация: <http://www.ukrterra.com.ua/developments/east/bahty-girey1.htm>

Почему Бекович так поступил – мы можем только гадать. Скорее всего, не хотел из-за обычных степных разборок ставить под удар свой отряд. Накануне неминуемого, как стало понятно, похода в Хиву каждый боец был на вес золота. Вполне возможно (по крайней мере, калмыки были убеждены, что причина именно в этом), свою роль сыграла кавказская солидарность. В конце концов, ногайцы были ближайшими соседями и частыми союзниками кабардинцев, и проливать их кровь из-за каких-то язычников (русских в этом набеге Дели-Султан предусмотрительно не трогал) Бековичу не хотелось.

Так или иначе, на этом все и завершилось, ногайцы ушли в свои кочевья, а Бекович, закончив расспрашивать местных о злополучной плотине, вскоре уехал в столицу на личную аудиенцию у Петра, и, наверное, даже позабыл этот мелкий эпизод в бесконечной степной войне.

Вот только Аюка не забыл ничего. У старого калмыка, прожившего по тем временам почти мафусаилов век (он умер на девятом десятке), память была очень долгой.

Когда через два года Бахты-Гирей ударил по Пензенскому и Симбирскому уездам и увел в полон несколько тысяч невольников, тамошние начальники пеняли Аюке – почему же он беспрепятственно пропустил ногайцев? На что старый волк не без усмешки ответил, «он не может сделать сего без указа, так как некогда Бекович не смел без Царского повеления стрелять в Кубанских Татар, когда они грабили Калмыков под Астраханью»³⁰.

И если бы месть Аюки ограничилась только этим...

---

³⁰ Иакинф (Бичурин). Историческое обозрение Ойратов, или Калмыков, с XV столетия до настоящего времени. СПб. 1834. Цит по: Безгин И. Г. Князя Бековича-Черкасского экспедиция в Хиву и посольства флота поручика Кожина и мурзы Тевкелева в Индию к Великому Моголу (1714—1717 гг.). СПб. 1891. С. 61.

ГЛАВА 5. Самая короткая – о струсах и казеариусах

Предварительная фаза экспедиции Бековича завершилась. Разведка закончена, пора приступить к действиям. Бековича вызывают к Петру. В январе 1716 года он прибывает в Москву к помазаннику божьему, но узнает, что император отбыл в Ригу. Бекович едет в Ригу, но лишь для того, чтобы узнать, что царь в Либаве – городе, который сегодня называется Лиепая. В Либаве, наконец, эти догонялки завершились – встреча состоялась 12 или 13 февраля.

Бекович подал царю подробную записку, которую дополнил на словах, и Петр, судя по всему, докладом остался весьма доволен. По крайней мере, чин капитана он присвоил Бековичу тут же, на аудиенции. И здесь же написал ему новую инструкцию – что делать дальше, знаменитые «13 петровских пунктов».

План у царя был такой. Во-первых, рядом с найденным бывшим устьем Аму-Дарьи надо возвести крепость с гарнизоном в две тысячи человек. Бековичу же от старого устья отправляться с войском в 4 тысячи человек к хивинскому хану, по пути подробно осматривая устье, а так же перегораживающую реку плотину. Возле плотины там, где сейчас течет Аму, если будет возможность, поставить вторую крепость. К этой крепости из Гурьева отправить войско, состоящее из полутора тысяч яицких казаков, полтысячи гребенских казаков и драгунской сотни во главе с хорошим командиром. Они и должны будут разрушить плотину и отвести Аму-Дарью в старое русло. Для этого с экспедицией посылались двое инженеров «из учеников Куломовых³¹».

Хивинского хана Бекович должен был склонить к подданству, предложив ему предоставить сильный отряд личной охраны из профессиональных русских военных, что навсегда устранил бесконечную череду постоянных дворцовых переворотов.

Было и неприятное известие – у Бековича появился конкурент. Петр решил, что Александру по горло хватит дел и в среднеазиатских княжествах, поэтому для экспедиции в Индию отправил с Бековичем другого своего любимца. Бековичу надлежало договориться с ханом о двух экспедициях. Сначала отправить хивинских людей вверх по Сыр-Дарье в город Яркенд, усилив эту экспедицию двумя русскими. А вот вторую экспедицию отправить по Аму-Дарье в Индию, и возглавить ее должен «особенный» человек, действующий под видом купца. Он должен был идти вверх по Аму сколько возможно, а дальше пробираться в Индию сушей, тщательно фиксируя путь.

Начальником разведывательного отряда в Индию Петр назначил еще одного моряка – поручика Александра Кожина. Этот выпускник Московской Школы Навигацких и Математических наук, располагавшейся в знаменитой Сухаревой башне, обратил на себя внимание царя в 1715 году, когда описал часть побережья Финского залива. Морскому офицеру купцом прикидываться, конечно же, сложновато, поэтому Кожину придали для достоверности двух настоящих купцов, только «чтоб оные были не стары».

Бекович же должен, после хивинского хана, привести в русское подданство еще и бухарского хана – тем же способом с выделением личной гвардии, «ибо и там тако ж ханы бедствуют от подданных». Бекович получил царские «грамоты к обеим ханам, также купчине к ханам же и к Моголу³²».

Во время этой аудиенции, кстати, Бекович и передал Петру карту Каспийского моря, собственноручно составленную после возвращения из экспедиций. Карту эту Петр I продемон-

---

³¹ Алферий Де-Кулон – французский и русский военный инженер, с 16 марта 1719 г. – начальник Санкт-Петербургской инженерной роты (школы), впоследствии – генерал-директор инженерных войск.

³² На всякий случай напомним, что Индией в те времена правила династия Великих Моголов.

стрировал французским академиком в следующем, 1717 году во время визита в Париж, где она произвела настоящий фурор. Эта демонстрация немало способствовала тому, что 22 декабря 1717 года, через полгода после отъезда Петра из Парижа, царя официально избрали членом Академии. Впоследствии карта, как я уже говорил, пропала, и числилась «в нетях» более двух веков, пока ее на обнаружила Екатерина Княжецкая.

Получив предписания от царя, Бекович должен был немедленно отправляться в Сенат и «по сим пунктам господам сенату с лутчаю ревностью сие дело как наискоряя отправить, понеже зело нужно».

По сути, Бекович получал неограниченные полномочия, что вскоре и подтвердилось – князь уже 4 марта прибыл в Петербург и явился в Сенат. И никакого хождения по коридорам и кабинетам – все указания по подготовке экспедиции, содержащиеся в этих 13 пунктах, были выполнены с невиданной для России быстротой и исполнительностью. Заехав ненадолго в Москву и Казань, в середине весны Бекович прибывает в Астрахань.

Чуть иначе получилось с поручиком Кожиным. Получив назначение в начальники «индийской» разведывательной экспедиции, первым же заданием Александр Иванович был поставлен в тупик – ему выделили пять тысяч рублей на закупку товаров и тысячу на провоз. Провести-то можно, а вот что закупать? Никто, наверное, во всей России-матушке в той «Индеи» отродясь не был, и какой товар там потребен – даже не догадывается. Но тут Кожину несказанно повезло, таких совпадений просто не бывает.

Буквально через неделю после аудиенции Бековича у Петра в канцелярии Сената появился странный мужчина средних лет. Назвался он Андреем Семеновым, «человеком рижского обер-инспектора Исаева». Загорелый незнакомец заявил, что больше двадцати лет назад, в 1695 году, пятнадцатилетним мальчиком он служил у московского купца Семена Мартыновича Маленького и вместе с ним отправился в экспедицию в Индию. До Индии посольство все-таки добралось, но из всего состава экспедиции назад вернулся только он. Странный человек не врал – торговая экспедиция Маленького и Аникеева была второй известной нам успешной попыткой русских людей добраться до Индии. Первая, естественно – Афанасия Никитина. Но о Маленьком, если позволите, чуть позже.

Естественно, первое, что спросили замученные Кожиным (царя-императора предписание! не выполнить нельзя!) канцеляристы у Андрея Семенова – какие товары нужны в Индии. Бывалый человек посоветовал закупить юфть красную, тонкие сукна из Европы и «рыбью кость» – моржовый клык.

Счастливый Кожин повелел двум прикомандированным к нему купцам «нестарых лет» закупить продукцию и доставить товары в Астрахань, а сам двинулся туда налегке. В дороге его настигло письмо чрезвычайной важности – личное послание Императора Всероссийского Петра Алексеевича.

Как выяснилось, через полтора месяца после разговора самодержец вспомнил об одном чрезвычайно важном деле, которое он забыл поручить морскому поручику – и специально, самолично, своей богопомазанной рукой написал ему еще одно письмо. Кожин дрожащими руками вскрыл послание и прочел: «Г. Кожин, когда будешь в Остиндии у Магола купи довольно число птиц больших всяких, а именно струсов, казеариусов и протчих, так же малых всяких родов, так же зверей всяких же родов, а больше малых всяких же родов, привези с собою бережно. Из Данциха в 31 день Марта. Петр. 1716 г.³³».

Прибывшего в Астрахань Кожина Бекович приставил к постройке новых судов (старые были или задействованы, или требовали ремонта). Ну а пока Кожин торит свой путь к «стру-

---

³³ Цит по: Карабущенко П.Л. Астраханская губерния и ее губернаторы в свете культурно-исторических традиций XVIII–XIX столетий. Астрахань. 2011. С. 49.

сам и казеариусам», матерно лая подрядчиков и рабочих, мы можем спокойно поговорить о Маленьком и о хрустальной мечте русского человека – Индии.

ГЛАВА 6. За горами, за лесами, за широкими морями...

«Индия, о высокочтимый мой учитель, находится почти на самом краю земного диска и отделена от этого края безлюдными и неизведанными пустынями, ибо на восток от нее не живут ни звери, ни птицы. Индия – очень богатая страна, и богата она золотом, которое там не копают из земли, как в других странах, а неустанно, день и ночь, добывают особые, золотоносные муравьи, каждый из которых величиной почти с собаку...».

Думаю, не надо объяснять – откуда взята эта цитата. Как ни странно, по мнению наших предков, Хоттабыч подсказывал Вольке абсолютно точные сведения. Любой обалдуй знает про Индию (вернее, Ындею, как писали тогда) две вещи:

Это очень богатая страна,
В которую очень трудно попасть.

И это в самом деле так – по сравнению с другими азиатскими странами Индия была настоящей сокровищницей, из которой потом англичане выкачали огромные деньги, и она действительно практически неприступна. До революции Индостан публицисты любили описывать как «полуостров, который на самом деле остров». Дело в том, что Индия представляет собой естественную крепость, доступ к которой снизу закрывает море, а сверху – практически непроходимые горные системы. Брешь в этой естественной стене только одна, но об этом позже.

В общем, для наших предков Индия была хоть и далекой, но заветной мечтой. А уж когда туда с юга проникли «овладевшие морями» европейцы, желание найти удобный сухопутный путь в Индию только усилилось. Еще до Петра, в XVII веке русские цари сделали несколько попыток нащупать-таки заветную тропку – но не очень удачных.

Самое интересное, что пока русское государство слепым кутенком тыкалось в поисках пути в Индию, его поданные с Индией уже торговали. Только неофициально, без ведома государства, частным образом. И протоптанную тропку вовсе не стремились афишировать – понятие коммерческой тайны существовало во все времена. Я сейчас вовсе не о знаменитом Афанашии Никитине и его «Хождении за три моря». Последователи у него были и в поздние времена, просто об этом «гешефте» в Москве никто и не подозревал – в России и сейчас, и в прежние времена на окраинах творится много такого, о чем в центре и не подозревают.

Прознали об этих «хождениях» в принципе, случайно. В 1620 году было послано первое русское посольство в Бухару. Возглавил его Иван Данилович Хохлов – человек, которого без всяких скидок можно считать нашим первым Игроком, специализировавшимся на среднеазиатском направлении. У него была довольно бурная биография³⁴, но я остановлюсь лишь на одном эпизоде. По дороге в Бухару посольство было задержано хивинским ханом. Ханские сыновья – головорезы еще те – сначала пытались отжать у русского посла подарки бухарскому хану, потом просто и незатейливо требовали таких же подарков папеньке, потом – ладно, пусть похуже, но папеньке и нам, потом уже просто – дай хоть что-нибудь. И рефреном ко всем просьбам шло: «А если не отдашь – зарежем, как Лаврентия Юдина!».

От ханычей Хохлов все-таки удачно откупился и прошел дальше. Но в процессе торга о размере отступного и выяснилась правда о Лаврентии Юдине. Как оказалось, это был русский купец несчастной судьбы, втайне от центральных властей торговавший с Бухарой и даже Индией. Однажды в 1603 году Юдин возвращался из очередной коммерческой командировки, пробыв «для торгу в Бухарех и в-Ындее 7 лет».

---

³⁴ Краткую справку о воеводе Иване Даниловиче Хохлове можно прочитать здесь – <http://grgame.ru/dosie/hohlov-ivan-danilovich/#more-529>

Но незадолго до его возвращения на город Ургенч, сегодня известный в основном как место рождения польской певицы Анны Герман, а тогда бывший столицей Хорезма, совершили набег буйные и не подчинявшиеся никому яицкие казаки во главе с атаманом Нечаем «Стареньким» Шацким. Город они захватили, обстоятельно пограбили, и вырезали около тысячи человек – причем первым пал какой-то мясник. Он не сориентировался в обстановке, принял казаков за свиту какого-то иноземного торговца и орал презренным кяфырам из своей лавки: «Грязь жрите, баранщики, армяне!». Сей эпизод наглядно свидетельствует о вреде ксенофобии, особенно в сочетании со слабым знанием этнографических реалий.

Но вернемся к казакам. Добычу они взяли богатую, одних женщин – больше тысячи, но потом, как обычно, разнежились, расслабились, загостились, и в обратный путь вышли поздно, проведя в городе целую неделю. Тут-то их и перехватил со своим войском хивинский хан Араб-Мухаммед. Казаки, сцепив телеги цепями, выстроили лагерь – «курень» (вагенбург) и держали в нем оборону без воды и пищи целых семь дней, после чего хивинцам все же удалось взять его штурмом. Сопrotивлявшихся казаков изрубили, раненых и ослабевших увели в рабство. Когда же Араб-Мухаммед вернулся в разграбленный Ургенч, практически одновременно с ханом в город вошел уже почти дошедший до дому русский купец Юдин. Хан же, в расстройстве из-за того, «что казаки ему многую шкоту³⁵ учинили³⁶», повелел неверного немедленно зарезать. Вот тебе и сходил человек «в Ындею».

Так или иначе, но ближе к середине XVII века русское правительство начинает активно работать на индийском направлении. В 1646 же году перед посольством Анисима Грибова, отправляющимся через Иран в Среднюю Азию – в Балх, Хиву и Бухару – ставится задача узнать, как удобнее ехать из Астрахани в «Ындеецкое царство». При чем здесь Иран? Помните, я говорил, что разрыв в горной цепи, защищавшей Индию с севера, только один? Так вот – единственные три ущелья, через которые в Индию могло вторгнуться большое войско, находятся на территории Афганистана, бывшего в то время персидской провинцией. Именно через эти естественные ворота и врывались в Индию все ее немногочисленные завоеватели, от легендарного Александра Македонского до великого Надир-шаха, который, правда, во времена похода Бековича еще только начинал свое восхождение к власти, будучи лихим полевым командиром в персидском Хоросане.

В общем, в том же 1646 году транзитом через Иран в Индию отправилось и первое официальное русское посольство, возглавляемое двумя купцами – казанцем Никитой Сыроежкиным и астраханцем Василием Тушкановым. Представителей двух самых «азиатских» городов России назначили, правда, не послами, а всего лишь «гонцами». Зато письмо с предложением установить дипломатические отношения им выдали самое настоящее, подписанное Алексеем Михайловичем с приложением Большой Государственной печати. Документ этот более чем любопытный, но цитировать целиком я его не буду – он весьма объемный. Но хотя бы от первой фразы не удержусь. Владыка православной Руси пишет мусульманскому падишаху Шах-Джахану. Как вы думаете, с чего он начнет? Именно! И оцените стиль – можно только почувствовать русским переводчикам на татарский.

«Бога единого, безначального и бесконечного, невидимаго и неописанного, страшного и неприступного, превыше небес пребывающего, живущаго во свете неприступном, владущаго силами небесными и единым безсмертным словом премудрости своея, господем нашим Иисус Христом, видимаго и невидимаго вся сотворшаго, и животворящим и божественным духом вся оживляющего, и недреманным оком на землю призирающего, и всяческая на ней устрояющего,

---

³⁵ «вред»

³⁶ Русско-индийские отношения в XVII веке. М.: Издательство восточной литературы. 1958. http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Indien/XVII/1600-1620/Russ_ind_17/index.phtml

и утешения благая всем человеком подавающего, его же трепещут и боятца небесная и земная и преисподняя³⁷».

Что же до самих «засланцев», то главным их заданием была, естественно, разведка индийских земель. «Тишайшего» царя интересовало все, список заданий был на несколько страниц: от «в которой вере индийской шах Джаган и его ближние люди и все его подданные в одной ли вере, в которой шах Джаган, или розных вер» до «и у воинских людей какой бой, огненной ли или лучной, и латы и доспехи и пансыри и шишаки и шеломы, и шапки железные на воинских людей в боях бывают ли».

Идти в Индию «Микита со товарищи» должны были через Персию, но вся подготовка оказалась втуне – в Индию их просто не пустили. Как докладывал царю русский посол в Персии князь Козловский: «И шахово величество царского величества гонца в-Индею пропустить не велел, для того что меж индейскими и туркустанскими государи учинилась драка и ссоры в-индейских украинных местех, авганские люди торговым людем учинили шкоты, иных людей побивают³⁸». И действительно, русские «индийские гонцы» появились в Персии очень не вовремя – пресловутый «шах Джаган» отнял у Бухары Балх и занял Хоросанскую область, Персия этому активно воспротивилась и началась война между персидским Шахом Аббасом и могольским императором Шах Джаханом. Пришлось Сыроежкину с Тушкановым расторгнуться в Персии и возвращаться домой.

Несмотря на эту неудачу, царь Алексей Михайлович мечты об Индии не оставил. И даже отписал в Астрахань воеводе Куракину, дабы тот предоставил индийским купцам «режим особого благоприятствования», привечая их «сверх иных иноземцев», чтобы «их и вперед к нашей государственной милости приучить, а не отогнать». Завидуя торговым успехам «поднявшихся» на льготах индийских купцов, которые со своими товарами доезжали уже и до Москвы, московское купечество в 1651 году, через пять лет после «миссии Сыроежкина», подало царю челобитную, прося позволения ездить с товарами в Индию.

Царь, естественно, охотно согласился и даже наделил вызвавшихся быть первопроходцами приказчиков именитого купца Василия Шорина дипломатическим статусом. Приказчики эти – Родион Никитич Пушников и Иван Никитич Деревенский – должны были идти тем же маршрутом, что и Сыроежкин (другого тогда просто не знали), потому получили царские грамоты к персидскому шаху Аббасу II, к индийскому Джахану, и «спецзадание». Все эти документы почти слово в слово повторяют те, что были у Сыроежкина. Похоже, царские бюрократы решили не утруждаться лишней работой и просто использовали то, что не пригодилось в прошлый раз.

Увы, но и миссия «Никитичей» оказалась ничуть не удачней предыдущей. Но на сей раз индийская сторона была ни при чем, хотя и там были свои проблемы – Шах Джахан как раз умер, а после смерти Великого Могола его четверо сыновей устроили междоусобную войну за право наследования. Но до сношений с Индией дело не дошло – уже после убийства второй миссии резко осложнились отношения между Персией и Россией. Хан Шемахи Хосров подбил ногайцев на набег на русские города, обещавшее быть доходным предприятие поддержали другие мелкие вассалы персидского владыки, и в качестве ответной дипломатической меры в Астрахани повязали всех персидских купцов, посадив их в «холодную» до удовлетворения убытков персидским двором. Персы в долгу не остались и обобрали так кстати появившихся русских приказчиков как липку. Хорошо хоть выпустили обратно, а купчина Шорин потом долго писал царю челобитные с просьбой возместить убытки.

После этого царь-батюшка интерес к персидскому маршруту потерял надолго, но мечты об Индии не оставил и решил поискать другой путь.

---

³⁷ Там же, http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Indien/XVII/1600-1620/Russ_ind_17/21-40/28.phtml?id=3098

³⁸ Там же, http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Indien/XVII/1600-1620/Russ_ind_17/21-40/30.phtml?id=3100

В 1669 году в Хиву и Бухару был направлен русский посланник Борис Пазухин, озадаченный, помимо обычных дипломатических обязанностей, еще и секретным поручением. От «знающих людей» он должен был разведать, «в Бндейское государство от государевы отчины от Астарахани куды ходить податнее³⁹ – на Юргенч ли, или на Бухары, или на кизылбашские города. А из Бухар и из Юргенч на которые города и места, и сухим ли путем или водяным, или горами в-Бндею путь, и на которой украинной город индейского царя приезжают, и сколько от которого города и места до которого города и места считают верст, или миль или днищ⁴⁰, и на одно ли место и города из Юргенч и из Бухар в-Бндею дорога лежит или разные дороги, и какие люди от тех городов по дороге до Индейского государства живут, послушны ли Бухарскому или Юргенскому государству, или которые владельцы особые живут ..., и нет ли от них проезжим служилым и торговым людям шкоты⁴¹». Для выполнения этого важнейшего задания к посольству Пазухина был причислен самарской стрелец Максимко Яковлев «для толмачества индейского языку». Убей меня бог, если я понимаю, где тогда в Самаре можно было выучить «индейский язык», но в процессе работы над книгой я уже многократно убеждался – востоковедами на Руси становились жители самых неожиданных мест.

Как вы уже поняли, русские власти искали новый путь – через Среднюю Азию.

Пазухин оказался хорошим разведчиком. Обрато он вернулся, правда, только через четыре года, но зато представил обстоятельную докладную записку, в которой был изложен оптимальный, по его мнению, маршрут до самых разных индийских городов («до первого индейского города Парвана», «до города Ратасу», «до города Малого Гужрату» и т.п.). Информация была добыта как самолично Пазухиным, так и засланным им в Балх агентом, толмачом Микитой Медведевым. Кроме того, в ближние индийские города «и до самого царственного города Джанабату» был отправлен другой разведчик-нелегал, толмач Семен Измаил, но его возвращения ждать не стали, Семену изначально велено было самостоятельно выбираться оттуда «к великому государю к Москве». И правильно, что не ждали, обратно он не вернулся.

Чтобы перепроверить полученную информацию, в Посольский приказ были вызваны находившиеся в это время в Москве индийские купцы Ченая Мокарандава и Багарея Лелеева. В целом они подтвердили мнение Пазухина, но большую часть предложенного маршрута скорректировали. Потому как эта дорога «далека, да и ехать ею страшно, потому что степниста и разбойников на ней бывает много⁴²». И предложили другой, более короткий и безопасный путь – через «порубежный индейский город Кабыль» – так у нас называли ныне известный всему миру город Кабул.

Именно этим маршрутом и поехал через год с небольшим после того допроса наш третий посол в Индию – астраханский татарин Махмет-Исуп (Мухаммед-Юсуф) Касимов. Это был первый, но не последний «инородец», игравший в Большой Игре на нашей стороне, и трудно переоценить вклад татар, казахов, аварцев и т.д., бесстрашно проникавших в недоступные для русских места. Позже известный исследователь Большой игры Сергей Валентинович Жуковский писал о Касимове как об «одном из тех деятелей татарского происхождения, которые в XVII и XVIII веках оказали России большие услуги⁴³».

Это посольство, надо сказать, вообще было «инородческим» – до Бухары Касимова сопровождал отправленный послом к Бухарскому хану стольник Василий Александрович Даудов, которого изрядную часть жизни звали Алимарцал Бабаев. Он был персом из Исфахана («Испагани» по-русски), служил персидскому шаху и был увезен в Россию послом Лобано-

³⁹ «удобнее»

⁴⁰ «дней»

⁴¹ Там же, http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Indien/XVII/1600-1620/Russ_ind_17/81-100/88.phtml?id=3171

⁴² Малиновский А.Ф. Известие об отправленных в Индию российских посланников, гонцов и купчин с товарами и о приездах в Россию индийцев – с 1469 по 1751 год. СПб. 1837. С. 151.

⁴³ Жуковский С.В. Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие. СПб. 1915. С. 38.

вым-Ростоцким. Здесь он принял православие и долго и честно служил то в Посольском приказе, то воеводой в разных городах. Много участвовал в военных походах и даже, несмотря на отставку, уже 76-летним отправился в петровский Азовский поход толмачом.

Кстати, среди других указаний, данных Касимову и Даудову перед Бухарской миссией, числилось и задание разведать все о великих азиатских реках: «Им же проведать о реке Дарье, откуда та река Дарья вышла и в которых пределах путь свой имеет, и какие по той реке поселены народы и которых государств люди по той реке имеют». Выполнено ли было это поручение или нет – можно только гадать, потому как отчеты и Даудова, и Касимова история не сохранила. Точнее – их просто потеряли. Еще до революции в каталогах Московского Архива Министерства Иностранных дел напротив заглавий обоих списков стояла пометка «При ревизии 1806 года на месте не оказалось». Но кто знает, может, еще и найдут – нашлась же карта Бековича, которую потеряли почти сразу после поступления в архив.

Тем не менее, кое-что о миссии Касимова мы знаем. Как я уже сказал, он первым пошел в Индию среднеазиатским путем и, расставшись в Бухаре с Даудовым, благополучно добрался до Кабула – западного форпоста империи Великих Моголов. Здесь кабульский градоправитель доложил о неожиданном госте начальству, а в ожидании ответа занялся излюбленным афганским развлечением – всячески пытался отобрать у чужеземца все, что только можно. Подарков «индейскому царю» Касимов вез много, хотя и не решился запастись, как советовали астраханские индусы, русскими кречетами и русскими бойцовыми и борзыми собаками, которых индусы покупали через Персию втридорога. Но все же ценных товаров взял изрядно. Конфликты с кабульским «мэром» Мекремет-ханом у него начались практически сразу и продолжались вплоть до отъезда. Дело дошло до того, что все подарки у него были отобраны и запечатаны в каменных палатах, где меха от сырости попортились.

Возможно, это было результатом несговорчивости русского посланника. Дело в том, что, узнав, что Мухаммед-Юсуф мусульманин, афганцы начали активно агитировать его перейти на шахскую службу, приводя в пример какого-то русского посла Семена, прибывшего в Кабул еще в 1658 году, перебившего хозяина и живущего с тех пор припеваючи. Этот Семен имел под командой пять сотен воинов и получал большое жалование. Касимов изменить русскому царю наотрез отказался, а про Семена объяснил, что тот никакой не посол, а самозванец, а на деле же «тот Сенька был Жидовин, купленный холоп торгового шемахинца Садыка». Что там было с этим Сенькой, и откуда Мухаммед-Юсуф его знал – так навсегда и останется тайной. В бумагах XVI-XVII множество таких обломков от интересных, судя по всему, жизней человеческих.

Тем временем пришел ответ от Великого Могола. Индийский владыка русского посла принять не пожелал, ибо «издавна до прародителя их до Темир Аксака и до нынешняго времени от нескольких сотен лет Российскаго государства послов и посланников в Индию не бывало; потому что Российское Государство с Индийским в дальнем разстоянии, и ссор никаких прежде не было и ныне нет; а знатно де Россейской Царь к Индейскому Шаху присылает посланников для богатства, а не для каких дел иных; да и вера де Русская иная, и им де бусурманом с Христианы в дружбе быть неприлично».

В принципе, все понятно, единственно, может быть, стоит разъяснить пассаж про «присылает для богатства, а не для каких дел иных». Дело в том, что тогда для всяких «мелкопоместных властителей» посольства частенько становились прибыльным бизнесом. Послам полагались подарки, часто – весьма значительные, чем и объяснялась горячая любовь к дипломатии. Поэтому властители больших государств – российские цари, китайские богдыханы и прочие подобные – частенько законодательно ограничивали для мелких соседей период отправления посольств. Так и наказывали, провозжая посла – следующий раз приезжайте не раньше, чем через пять лет, иначе подарков не напасешься. Вот за такого «безденежного дона» и принял Алексея Романова Великий Могол.

Любопытно, что, сам того не зная, письмом этим он оплатил за обиду полуторавековой давности. Тогда, в 1533 году, к великому князю еще Василию Ивановичу прибыл посол великого Бабура, называемый в русских источниках «Таусеин Хозя», которого великий князь, поразмыслив, велел отправить восвояси, «потому что не ведает его Государства, неведомо он Государь, или Государству тому Урядник».

Впрочем, индийский хан на всякий случай велел, «чтоб они от вас пошли назад до Росийского государства в целости и никакие бы над ним, послом, порухи не было. И велеть бы ему, послу, из казны жалованья денег 2000 рупьев выдать и, выдав, велеть ево отпустить».

Касимов намек понял, распродал в Кабуле своих порченных влагой соболей и царские подарки, на полученные деньги и премиальные две тысячи рублей выкупил около сорока русских пленных и вернулся в Москву. По большому счету – безрезультатно. Московский государь (уже Федор Алексеевич), надо сказать, на индийскую отписку, похоже, обиделся, и в 1688 году уважил просьбу русских купцов, жалующихся на несправедную конкуренцию со стороны индусов. Все индийские гости были из Москвы высланы и торговать им отныне дозволялось только в Астрахани.

Не увенчалось успехом и упоминавшееся уже посольство Семена Маленького, отправленное юным Петром. Нет, до Индии они добрались и даже получили аудиенцию у шаха Аурангзеба. Видать, подозрительный Могол все-таки навел справки и из списка побирушек Россию исключил. Он даже выдал Маленькому шахский фирман о праве на беспошлинную торговлю в Индии. Но впрок все это не пошло, на обратном пути, в Шемахе, умер и сам Маленький, и племянник его Аникеев. До Москвы через несколько лет добрался только слуга Андрей Семенов, который уже появлялся на страницах этой книги. С Семеновым всплыла большая проблема – он, если не кривить душой, оказался человеком редкой бестолковости. Его расспросный лист просто кишит всякими «про то не ведает» и «а по какой цене – не помнит». Оживился подросток на побегушках только когда речь зашла про действительно интересное – про слонов.

«А по средам и пяткам носят ево в мечети, в носилках за стеклами, по осьми человек, а перед ним водят слонов ево воинских, на которых зделаны чердаки деревянные осьмиугольные, а привязываются к ним подпругами. А в тех чердаках сидят по 3 и по 4 человека ево дворовых людей, одни с трубами, з бубнами, а иные з знаменами, а на иных слонах седла. А позади слонов заводные кони в уряде, а позади коней царь и дети ево цареви, затем полатные люди на носилках же, затем служилые люди, конница».

Слоны с чердаками и слоны с седлами. Поэзия!

Но самое главное – посольство Маленького мало того что после множества мытарств (включая нападение арабских пиратов с захватом трех стрельцов – что с ними стало в Аравии, интересно?) пробралось в Индию не через Бухару, а через Персию, так еще и часть пути проделало «водной дорогой» по Индийскому океану от гавани Бендер-Аббас до Сурата.

Сухопутный путь в Индию так и не был найден. Одна надежда оставалась на Бековича. Вот к нему и вернемся.

ГЛАВА 7. Три твердыни

В Астрахани кабардинский князь пребывал в отличном настроении – от царя ему последовало полное одобрение и награда, выданы неограниченные полномочия и цель всего их грандиозного «предприятия» – поход в Хиву – ныне была близка как никогда. Оптимизма прибавляли и благоприятные известия: еще в Москве Черкасский встретился с одним из своих агентов, которые – может помните – еще на заре всей этой затеи были посланы в Хиву и Бухару. Вернувшимся агентом был астраханский житель Тебей по прозвищу Китая (судя по прозвищу – кипчак), оказавшийся прирожденным шпионом. Тебей побывал в Хиве, Бухаре, Самарканде и Балхе, добыл толковые сведения о связях бухарцев с Индией (в частности, совершенно правильно донес, что путь из Бухары в Индию идет через земли воинственного народа «ауган»). Но, самое главное, этот Тебей Китаев, как его называли русские, выяснил, что в горах близ Самарканда добывают золото, более того – сумел пробраться на этот прииск и добыть образцы золотоносного песка. Позже Тебей разузнал об еще одном прииске, начал искать подходы к нему, но здесь уже «засветился», был схвачен бухарцами и брошен в зиндан за то, как сам объяснял, «будто я езжу осматривать их места». Из земляной ямы его вытащил влиятельный родственник, и Китаев решил не испытывать судьбу, и пустился в обратный путь. Однако при возвращении он обнаружил еще одно интересное место, где добывали «голубой камень лажбар (лазурит), из которого краску делают» и опять ухитрился попасть на рудник и добыть образцы.

Подтвержденные сведения о том, что золото в Средней Азии добывают гораздо ближе Яркенда, были настолько важными, что Бекович направил агента напрямик к Петру Первому, который тогда находился в Померании, присовокупив настоятельную просьбу о награде агенту. И заодно запросил царя – остается ли яркендское золото, с которого, собственно, все и началось, по-прежнему актуальной задачей для экспедиции. Петр лично расспросил удачливого разведчика («Речи расспросные Тебея прозванием Китая» дошли до наших дней) и ответил Бековичу: «Что же до посылки ко Иркети, и буде вам можно будет – то пошли, буде же нельзя – оставить мочно».

Расторопного агента Бекович собирался взять с собой в экспедицию в Хиву, резонно полагая, что проверенный человек, к тому же владеющий не только русским, но и всеми азиатскими языками будет там более чем кстати. Но увы – не случилось. Летом Китаев неожиданно умер, о чем Бекович и сообщал императору: «Которой астраханской житель Китаев к нашему величеству послан был с пробами золота и краскою, оной умре, о чем немало сожалел, понеже зело надобен был в ваших делах с нами быть».

Это была первая, но не последняя неприятность.

Вообще, создается впечатление, что прибывшее примерно тогда же странное, мягко говоря, письмо Петра о «струсах и казеариусах» оказалось каким-то страшным вирусом безумия. Экспедиция, бывшая до сих пор едва ли не образцом разумного и успешного выполнения высочайших поручений, пошла вразнос. Понеслась, как легковушка с пьяным водителем, утопившим на разбитой деревенской дороге педаль газа в пол. Все начали вести себя странно, делать откровенные глупости, собачиться из-за пустяков и, невзирая ни на какие советы и угрозы, упрямо гнать дело к фиаско.

Войско для похода собралось в Астрахани только к началу осени. В распоряжении Бековича оказалось три полка пехоты общей численностью в три с половиной тысячи человек: один полк собрали в Астраханской губернии, два других пришли из Казани и Азова. Основу кавалерии составили казаки – полторы тысячи яицких под командой атамана Бородина и полтысячи гребенских атамана Басманова. Казачьи сотни были усилены драгунским полком майора Франкенберга, набранным из пленных шведов. Точнее, как замечал еще историк Миллер, франкен-

берговские драгуны были даже не шведами, а немцами, на вербованными королем Карлом в силезских землях. И если природным шведам, захваченным под Полтавой, полагалось хоть какое-то содержание, то немцы-наемники не получали ничего. Поэтому они с превеликой охотой завербовались на казенный кошт в поход в неведомую приличным европейским людям Бухарию.

Морская команда насчитывала более 200 человек, но профессиональных моряков было мало, две трети матросов составляли новобранцы из солдатских детей, возглавляемые четырьмя офицерами и штурманом Брандом. Штурман, кстати, несмотря на свою фамилию, был не немцем, а природным калмыком, служившим в молодости у голландского купца, у которого и позаимствовал фамилию. Наконец, в войске Бековича было и несколько добровольцев из астраханских дворян, среди которых выделялся близостью к начальству уже знакомый нам князь Салманов. Старый перс, похоже, решил – если уж пошел фарт, почему бы не поставить на счастливый номер еще раз.

Казалось бы, Бекович, наученный горьким опытом первой экспедиции, должен был понимать всю опасность выхода в Каспийское море осенью, но упрямый кабардинец, оставив кавалерию в Астрахани дожидаться его возвращения, объявил отплытие. В конце сентября свежестроенная флотилия из 69 судов вышла в море, возглавляемая флагманской шнявой «Петр», на которой находился князь Черкасский. В начале октября они достигли мыса Тюк-Караган, где к экспедиции уже привычно присоединился Ходжа Нефес. И здесь последовала первая неожиданность – князь повелел строить на знаменитом месте торгова с туркменами крепость, названную им «Святой Петр». Гарнизон в ней оставался казанский полк под командой подполковника Хрущева. Люди начали роптать – торговать на этом мысу было еще можно, но вот жить – весьма проблематично. Тюк-Караган представляет собой огромную песчаную косу, практически лишенную растительности. Главная проблема была с водой – вода в выкопанных колодцах уже через сутки становилась соленой и горькой, поэтому рыть колодцы приходилось едва не через сутки, отчего люди быстро выбивались из сил. Но Бекович никаких возражений слушать не стал, и приказ свой подтвердил.

От мыса Тюк-Караган Бекович отправил два посольства. В Хиву сухим путем по прото-ренному туркменами караванному пути пошли астраханские дворяне Иван Воронин и некий Алексей по прозвищу «Святой». Им было вручено письмо к Кулун-баю, визирю и военному министру хана, а главной задачей поставлено наладить добрые отношения с хивинцами с одной стороны, и сообщать Бековичу обо всех важных событиях в Хиве – с другой. В Бухару же был отправлен подпоручик Давыдов, но он, чтобы сократить расстояние, должен был отправиться туда не из туркменских земель, а из персидского города Астрабад. Доставить его туда морем Бекович велел поручику Кожину.

Дело в том, что отношения Кожина и Бековича, мягко говоря, не заладились. Они сцепились еще после аудиенции у Петра, когда Бекович отказался отдать Кожину написанные императором «инструкции к действиям» поручика. Дальше взаимная неприязнь только усиливалась, и сейчас Бекович был рад случаю избавиться от своего зама.

Кожин с Давыдовым отчалили, а через пару дней и флотилия двинулась дальше, оставив Хрущева с солдатами обустроиваться на гиблом берегу. Но караван судов, пройдя немногим более ста верст, сделал неожиданную остановку в заливе Бехтир-лиман. Здесь Бекович повелел заложить вторую крепость, которую назвал уже своим именем – Александр-Бай. И если укрепление на Тюк-Карагане еще можно было объяснить необходимостью контролировать караванную дорогу на Хиву, то значения второй крепости не понимал уже никто. Впрочем, это место было и более здоровым, и хорошо укрепленным, поэтому там оставили всего лишь три роты Риддеровского полка во главе с оставшимся безымянным майором. Наконец, в начале ноября флотилия прибыла к главной цели – Красноводскому заливу, где, как считал Бекович, и впадала раньше в Каспий Аму-Дарья. На этом третьем переходе экспедиции не повезло – она уго-

дила в сильный шторм и половину кораблей «погодю морскую разнесло и выметало по берегам на персидский кряж и на трухменской».

В Красноводском заливе князь закладывает третью, главную крепость и оставляет в ней всех оставшихся людей. Во главе сводной команды из двух неполных полков стал полковник фон дер Вейде. Место опять было выбрано чрезвычайно неудачно, там не было не то что деревьев и травы, но даже нормального песка – только перетертые прибоем ракушки. И с водой было как бы не хуже – «малым отменна от морской, и пески от моря потоплые и вонь непомерная, где не можна никакому существу человеческому жить». Фон дер Вейде пытался образумить Бековича, протестовал и даже отказывался принять командование, но получил только резкую отповедь: «Делай-де то, что велят, ты-де оставляешься на пробу». К протестам вскоре присоединился и вернувшийся из Астрабада Кожин, сообщивший, что бухарская миссия провалилась – астрабадский хан пропустить через свои земли Давыдова отказался, потому как не имеет прав на подобные действия без прямого указания шаха. Но Бекович заткнул и поручика, заявив, что «воду пресную и лес сыскать можете и после меня». Сам же Бекович, спланировав постройку крепости, собрался возвращаться в Астрахань.

Вот только плыть было практически не на чем, дошедшие до Красноводска корабли были в ужасном состоянии. К тому же в ноябре берега Каспия уже начало сковывать льдом, а Бекович прекрасно помнил, как они год назад попали в ледовую ловушку, из которой едва выбрались, причем дело было куда ближе к Астрахани. Поэтому Фон дер Вейде было велено привести бригаантины в порядок и патрулировать побережье в поисках людей с выброшенных на берег судов. А Бекович решил двинуться пешком – по тому самому губительному пути, по которому год назад отказались идти яицкие казаки.

Так как Бекович с Кожиным были к тому времени уже практически «на ножах», а оставить поручика с его особым заданием в Красноводье было никак не возможно, в начале декабря Кожин с малой командой был отправлен вперед передовым отрядом. Сам Бекович с тремя офицерами и полусотней солдат выступил через несколько дней, назначив Кожину встречу в «Святом Петре», первой заложенной крепости. Остающимся он пообещал вернуться в июне-июле следующего года. Кстати, сообщению Кожина о случившемся в Астрабаде он не поверил и отправил туда выяснить все верного человека – уже знакомого нам бывшего перса, князя Михаила Салманова.

Судя по описаниям и свидетельствам, оба они – и Бекович, и Кожин были людьми тяжелого нрава – пылкими и психованными. Вспыльчивость Бековича, типичную для кавказца, отмечают многие, но и природный русак Кожин ему в этом ничуть не уступал. Посол в Персии, князь Артемий Вольтский⁴⁴, аттестовал его так: «Кожин этот такие безделицы и шалости делал, что описать нельзя». В общем, сложилась довольно распространенная ситуация, когда начальник и первый зам сцепляются в мертвом клинче, уступить никто не хочет, а дела идут вразнос. Но упрямства и настойчивости не занимать было ни тому, ни другому, поэтому оба холерика все-таки провели свои небольшие отряды безжизненной зимней дорогой и соединились в крепости Святого Петра. Хрущева с товарищами они нашли в бедственном, если не критическом положении – среди выбивающейся из сил команды начались болезни и 120 человек уже умерло. Но это ничего не изменило в планах Бековича – разжившись у туркмен Ходжи-Нефеса верблюдами, кабардинец берегом Каспийского моря двинулся на Астрахань, куда и прибыл в конце зимы, 20 февраля.

Как они с Кожиным не убили друг друга в дороге – один бог знает. Сразу же после возвращения, в Петербург полетели доносы, жалобы и рапорты – как от одного, так и от другого. Масла в огонь подлил и вернувшийся Салманов, сообщивший Бековичу, что по его сведениям, астрабадский хан никаких преград Давыдову не ставил. Более того – выслал навстречу дорогим

---

⁴⁴ И опять запомните фамилию. Это еще один «сквозной» персонаж нашей истории, который появится во многих эпизодах.

гостям представительную делегацию для торжественной встречи. Но Кожин ни сам на берег не сошел, ни Давыдова не пустил. А когда обескураженные персы, прождав несколько часов, в недоумении удалились, зачем-то напал на пасшееся на берегу стадо буйволов, и, перестреляв половину, загрузил несколько туш на борт и уплыл восвояси. Бекович в письме к генеральному ревизору Василию Никитичу Зотову уже не стеснялся в выражениях: «Порутчик Кожин взбесился, не яко человек, но яко бестие» и «пакости великия делал к повреждению дел моих».

Кожин тоже в долгу не оставался и в своих доносах заявлял, что все доклады Бековича о найденном сухом русле Дарьи – чушь собачья, князь принял за устье обычные складки местности и, следовательно, никакого проку в задуманном походе не будет. Справедливости ради надо добавить, что плававший вместе с Кожиным и Давыдовым в Астрабад поручик Федор Исингилдеев, оставшийся в Красных водах и оказавшийся в числе немногих выживших, позже в своих показаниях подтверждал версию Кожина и опровергал Салманова. В общем, кто из них был прав, а кто нет – сейчас, боюсь, уже концов не найти.

Меж тем пришла весна и принесла тревожные вести.

ГЛАВА 8. И слово, и дело

Первыми прислали весточку посланные в Хиву Святой и Воронин. Они сообщали, что дела обстоят не очень благополучно. Они все-таки добрались до Хивы после тяжелейшего зимнего марша – верблюд Святого пал и половину пути тот шел по снегу пешком – и попали, как выяснилось, из огня да в полымя. Хивинский хан послов принял очень нелюбезно, больше месяца они ждали аудиенции, сидя «под караулом», при встрече же хан подарки и письмо Бековича взял, но ничего ободряющего послам не сказал. Теперь они вновь сидят под замком, об отправке домой «и речи нет», а, главное, в Хиве ходят упорные слухи, что Бекович идет к ним не посольством, а войной: «Слышно нам, которые из Астрахани приехали торговые люди: русские, бухарцы, татары юртовские, сказывали нам, что де, посылал Хан в Бухару и к каракалпакам, и во все свои города, с известием: чтобы были все в готовности и лошадей кормили. В Хиве также посол калмыцкого Аюки-хана, Ачиксаен-Кашка. Хан с ним посылает к Аюке своих послов».

Мстительный Аюка, как считают многие исследователи, вел двойную игру. Именно его люди уведомили хана Шир-Газы обо всех шагах Бековича, настраивая хивинцев против русских. Но при этом, чтобы не попасть под подозрение, хитрый калмык обезопасил себя и с другой стороны – еще до сообщения послов прислал письмо Кожину, в котором сообщал: «Послали письма, ваши служилые люди едут в Хиву, нам здесь слышно, что хивинцы, бухарцы и каракалпаки собираются вместе и хотят на служилых людей итить боем». Высказывал он опасения и за судьбу планируемого похода, дескать, по пути следования отряда «воды нет и сена нет, государевым служилым людям как бы худо не было, для того чтобы я знал, а вам не сказал, и после на меня станут пенять».

Судя по всему, это письмо стало последней каплей, и буквально накануне выхода отряда в путь Кожин решился на открытый бунт – наотрез отказался участвовать в обреченной, на его взгляд, экспедиции. Бекович заявил, что за дезертирство берет его под стражу и под конвоем отправляет к царю – пусть Петр его судьбу решает. Кожин, не менее взбешенный, в ответ выпалил, что к государю отправится с огромным удовольствием и обо всем царю доложит. Но ночью так и не взятый под караул «морской порутчик» скрылся. Бекович объявил дезертира в розыск и сообщил оставшемуся в Петербурге генеральному ревизору Василию Зотову, что Кожин из Астрахани бежал неведомо куда и просил принять меры к поимке и задержанию.

Но на самом деле Кожин никуда не бежал, а скрывался здесь же, в Астрахани. Следующей же ночью он явился к астраханскому обер-коменданту Чирикову и произнес слова, страшнее которых в те времена в России не было: «Слово и дело».

Поручик Александр Иванович Кожин обвинял князя Александра Бековича Черкасского в самом страшном злодеянии, которое только могло быть – в измене государевой. Он утверждал, что все сообщения Бековича о найденном устье Аму-Дарьи – ложь, которая потребовалась кабардинцу для выполнения злодейского плана: получить под свое начало войско, а затем перейти с ним на сторону хивинцев.

Эти слова могли быть чем угодно, только не шуткой – вся Россия в те суровые времена жила в страхе услышать в свой адрес роковые слова, ставшие чуть ли не магическим заклинанием. Объяви «Слово и дело!» – и пути назад больше не было. Такими обвинениями в запальчивости не бросались, после такого кто угодно мог повиснуть на дыбе – и обвиняемый, и доносчик. А наказание за измену государеву испокон веков предусмотрено на Руси-матушке было только одно – смертная казнь.

Услышав страшные слова, астраханский градоначальник опешил и застыл столбом как стоял – в исподнем под наброшенной шубой. А когда очухался и пришел в себя, страшного визитера уже не было...

Бекович же о нависшей над ним смертельной опасности и не подозревал – его снедали совсем другие заботы. Подготовка к экспедиции шла очень тяжело: казахи старшины жались и людей выделять не хотели; купцы и маркитанты снабжение экспедиции просто саботировали, войска осталось с гулькин нос – почитай что одна кавалерия, вся пехота гниет в гиблых местах, возводя по царскому указу крепости. А впереди страшная неизвестность – как их встретят в Хиве? Понимая, что если начнется война, не только выполнить задание, но и просто устоять будет практически невозможно – те три тысячи человек, что ему удалось собрать, были просто каплей в море против сил, которые может выставить полноценное государство – Бекович написал за границу Петру, пытая царя, что делать, если решить вопрос мирно не удастся.

Вскоре пришел ответ. Император недовольно сообщал своему confidentу: «Что же пишешь – ежели хан хивинский не склонится, и я не могу знать в чем, только велено вам, чтоб в дружбе были...». То есть: «не знаю, что делать, у тебя есть приказ о дружественном визите – извольте выполнять». Сложив с себя ответственность, великий государь просил больше его не беспокоить: «Трудись неотложно, по крайней мере исполнить по данным вам пунктам, а ко мне не отписывайся для указов, понеже как и сам пишешь, что невозможно из такой дальности указу получать».

В общем, Александр свет Бекович, царевой милостью тебе отныне не прикрыться, потрудись исполнять все сам как захочешь и сможешь. И спрос, если что – будет только с тебя.

В конце марта 1717 года приготовления к пешей экспедиции в Хиву были закончены. С Бековичем шли: из регулярного войска – две пехотные роты (300 человек), посаженные на лошадей, драгунский полк из пленных шведов – 600 душ, да около сотни моряков и артиллеристов. Иррегулярного войска: 1400 яицких казаков, 500 казаков гребенских, приведенные из Кабарды джигиты во главе с братьями Бековича Сиюнчем и Ак-мурзой (22 человека), юртовских татар 32 человека, ногайских татар – около 500 человек. Всего 3454 человека при шести орудиях. Это те, кто хоть чего-то стоил в бою.

Кроме них, с отрядом тащились 22 хивинских, бухарских и армянских купца, 13 купчин русских да прислуга купеческая общим счетом 161 душа, да товары купеческие. Список замыкали два инженерных ученика, 14 толмачей, несколько любопытствующих астраханских дворян и подьячих, верный князь Салманов и неизменный Ходжа-Нефес. Для разрушения плотины и устройства отводного канала везли тысячу штук железных лопат и заступов, 500 топоров, 50 кирок, 5000 штук кирпича, 200 пудов железа, 10 тысяч кованых гвоздей.

Кораблей, чтобы перевезти всю эту ораву к Красным водам и оттуда, как предписывалось, двигаться по руслу реки, у Бековича больше не было – практически все суда были разбиты во время осенней экспедиции. Поэтому князь на свой страх и риск принял новый план – на Хиву идти от Гурьева по старой туркменской караванной дороге. Немногие оставшиеся суда загрузить регулярными войсками и хозяйственным скарбом. Основная же масса войск – казахи сотни, отправлена была к Гурьеву своим ходом.

И здесь я на секунду отвлекусь. Я уже несколько раз поминал яицких казаков, надо, наверное, на всякий случай напомнить вкратце – кто это.

Когда я сказал, что все южное подбрюшье России составляли кочевники, некоторые из которых номинально были российскими подданными, другие же обходились и без этого, я был несколько неточен. Было несколько небольших вкраплений с условно оседлым и большей частью русским населением. Речь, конечно, идет о казаках. Да, да, те самые убежавшие из лесов асоциальные элементы, которые – важный момент – предпочитали оседать за пределами власти московского царя, но при этом обязательно где-нибудь на реке. Про донских, кубанских или запорожских казаков вы наверняка слышали, гребенские казаки прижились на реке Терек,

а яйцкие – соответственно на реке Яик, которая сегодня называется Уралом. Да, та самая река Урал, где Чапаев утонул. Именно на ней и располагались казачьи многочисленные поселения с центром в городке Гурьев.

В долине реки Яик еще в XVI веке, во времена Ивана Грозного, начало формироваться Яицкое казачье войско, которое нынче располагалось к востоку от калмыков.

Технология взаимодействия московского правительства с казаками всегда была одна и та же. Казаки, они, конечно, беглый элемент и жулики-разбойники, но сидят на границах, к тому же свой народ, русский (ну, большей частью русский) и православный. Соответственно, дело с ними иметь гораздо проще, чем со всякими басурманами, живущими примерно там же. Поэтому рано или поздно русское правительство казаков начинало прикармливать, часто – в самом прямом смысле слова, с хлебушком у разбойников традиционно было плохо. Не из-за лени и нежелания трудиться, а просто потому, что земледелие для пограничных районов было слишком рискованным занятием. Это не рыбалка на сутки-двое, хлебушек требует слишком много сил и, главное, времени. Целину раскорчуй, поле распаша, засеи, хлеба только взойдут – а тут твоя деревня под вражий набег и попала. Трудовые и материальные вложения требуются очень серьезные, а риск остаться в итоге с пустыми руками слишком велик. Проще купить в спокойных и мирных землях. Поэтому продовольствием казаков традиционно обеспечивало центральное правительство. Правда, взамен, как тот Остап Бендер, требовало множество мелких услуг. Так получилось и с яйцкими казаками – примерно с конца XVI века бывшие беглые начинают активно сноситься с царским правительством, прикрывая русские рубежи и выполняя всякие поручения. Но – это важно понимать – казаки не слуги московского царя, а в, лучшем случае, наемники. И во времена похода Бековича, и много лет после яйцкое казачество де-факто оставалось независимым территориальным образованием и самостоятельной воинской группировкой. Дело в том, что яйцкое казачество превратилось из мелких разрозненных поселений беглецов в серьезное политическое явление, с которым приходилось считаться и Москве, и соседям-кочевникам, именно в XVII веке, когда на Яик хлынули толпы бежавших от преследований староверов.

Основой войска яйцких казаков, хотя оно и приняло в свои ряды достаточно много башкир и калмыков, всегда оставались старообрядцы и любить «никонианцев» у них не было никаких причин. Поэтому яйцкое казачество было самым строптивым, непослушным и своевольным – договориться с ними всегда было сложнее, чем с донцами и даже буйными запорожцами. Но связи с «большой землей» у них были достаточно тесные, и полуторатысячный отряд для похода Бековича они выставили безропотно. Но там и дело наклеивалось выгодное, сулящее хорошую добычу.

А Бековичу как раз накануне выступления выпала нечаянная радость – проводить мужа в главный, может быть, поход его жизни в Астрахань приехала княгиня Марфа Черкасская, любимая женушка со всеми детьми. Если Бекович кого и любил в своей жизни – так это семью. Жизнь у него выдалась, конечно, суматошная, дома почитай что и не бывал – то заграничная учеба, то поездки в Кабарду, то плавания по Каспию – да мало ли куда закидывала его всеильная царская воля. Но знал князь Александр – если удастся выкроить денек и заехать домой – всегда его встретит ненаглядная Марфушка с обожаемыми детьми. А их у князя было уже трое – две дочери, старшая почти невеста, да только-только родившийся любимый сын-наследник, появившийся на свет через положенный срок после торопливого визита на обратном пути из Либавы в Астрахань.

Супруга провожала мужа на ходу, оставаясь с ним сколько было возможно – все никак не могла наглядеться и наплакаться. И лишь на второй день, когда экспедиционные суда миновали устье Волги и вышли в открытое море, Бекович оторвал от себя жену, простился с детьми и посадил их на парусную барку, возвращавшуюся в Астрахань.

В Гурьеве обе части отряда, добравшиеся кто морем, кто сушей, соединились. Тут Бековича уже ожидало письмо от Аюки-хана.

Все планы рушились, калмыцкий вождь бил наотмашь: «Из Хивы приехали посланцы мои и сказывали, что бухарцы, хивинцы, каракалпаки, кайсаки, балки соединились и заставами стоят по местам. Колодези в Степи засыпаны ими. Все это от того, что от туркменцев им была ведомость о походе войск, и хотят они идти к Красным водам. Ваши посланцы в Хиве не в чести, об оном уведомил меня посланец мой». Двигаться в Хиву означало идти на верную смерть.

К тому же дать «воинских людей» для похода, о чем его просил Бекович, старый хан категорически отказался, ссылаясь на тревожное время и сильную жару. Прислал лишь проводника – караван-баши Мангалая-Кашку да десять человек с ним.

А еще через несколько дней, когда отряд все еще стоял в Гурьеве «для убирания в путь», примчались гонцы с Астрахани. Они и сообщили встревоженному князю, что барка, на которой возвращались в город его жена и дети, от сильного ветра перевернулась, и княгиня Марфа с потомством «волею Божьей потопли».

ГЛАВА 9. Обреченный отряд

Выслушав от своего денщика Максима страшное известие, Бекович молча развернулся, вошел в дом, закрыл дверь, и не выходил оттуда несколько дней, отказываясь от воды и пищи. И его можно понять. Ты отправляешься в поход, не идти в который нельзя – с волей царя-батюшки не шутят – и вернуться из которого тоже, скорее всего, не получится. Идешь, по сути, на смерть. Но это ладно, от подобной доли в те времена не мог зарекаться ни один мужчина. Но вот то, что после тебя никого не останется на этой Земле, что продолжения не будет, что весь твой корень выкорчевали одним взмахом лопаты, что ты на этом свете почитай что и не жил... Именно это, на мой взгляд, и сломало Бековича.

Именно после этого пугающего затворничества с Бековичем и стало твориться неладное – немногие свидетели утверждали, что после этого потрясения он слегка подвинулся рассудком и периодически вел себя как минимум странно. Сначала все войско непонятно зачем стояло в Гурьеве практически месяц, и единственное, что нарушило это бессмысленное ожидание – нападение каракалпаков, которые внезапно налетели на табунщиков, пасших казачьих коней, и погнали табуны и 60 пленных (в том числе и Ходжу-Нефеса) в степь. Бекович лично возглавил погоню, черных шапок настигли через несколько дней и отбили полон. Вернувшись и получив новые известия из Астрахани, князь отправил сотню яицких казаков на усиление гарнизона все еще строящейся крепости «Святой Петр» – за зиму подполковник Хрущев схоронил почти 500 человек из 1200-х.

И эта сотня – предпоследние спасшиеся.

Вскоре Бекович, наконец-таки, скомандовал выступление. «Посольство» Бековича выступило на Хиву 7 июня, когда наступила самая страшная жара, выжигавшая степи как огнем. И здесь странности продолжились – после бесцельного месячного стояния Бекович гнал своих людей не жалея, торопил как на пожар. Шли дни напролет, чуть не от рассвета до заката, не делая никаких, даже самых коротких дневок. Этим бешеным маршем дошли от Яика до реки Эмбы в рекордный срок, за 8 дней, проходя почти сорок верст в сутки. Через Эмбу переправились на сколоченных наскоро плотках и тем же выматывающим маршем двинулись дальше. На пятом переходе от Эмбы войско догнали умаявшиеся гонцы, привезшие князю царский указ. Дело в том, что сразу же после бегства Кожина кабардинец, несмотря на запрет, запросил все-таки инструкций – что же теперь делать с экспедицией в Индию, идти-то теперь «под видом купчины» некому? И вот, уже на полпути, его настигла царская воля.

Петр велел своему протеже «отправить надежного и тамошние языки знающего человека чрез Персию в Индию» – не через ханства, заметьте, а найденным купцом Маленьким путем. С тем, чтобы тот «возвратился бы чрез Китай и Бухарию», а в пути «прележно наведалься о всех обстоятельствах тех стран». Бекович, поразмыслив, остановил свой выбор на поручике Тевкелеве, который полностью соответствовал всем требованиям. Поручик был из татарских мурз и звался Кутлу-Мухаммедом. С языками у него все было более чем нормально – во время Прутского похода 1711 года Тевкелев состоял переводчиком при царской особе, и Петр самостоятельно мог убедиться в толковости и надежности.

Тевкелев попрощался с товарищами и вместе с двумя своими «не старыми» купцами повернул назад, в Астрахань, чтобы оттуда морем отправиться в Персию.

И эти трое были последними, кого судьба миловала от страшной участи обреченного отряда.

А отряд двинулся дальше. Речки кончились, и войско шло натоптанным зигзагом, древним как эта старая караванная дорога – от одного колодца к другому. Воды на такую ораву, конечно, не хватало, поэтому сразу по приходу бековские бойцы в первую очередь рыли рядом

до сотни колодцев, чтобы напоить людей и животных. Траву пожгло солнце и множество лошадей пало в дороге.

А странности продолжались. На одной из стоянок Александр Бекович побрил голову, переоделся в азиатское платье и потребовал называть его Девлет-Гиреем («покорителем царств», как немедленно перевели русским многочисленными татарами). Казаки роптали, подозревая измену, и даже флегматичные шведские наемники угрюмо молчали, понимая, что творится что-то неладное.

Бекович по-прежнему гнал войско форсированным маршем, и лишь когда до хивинских границ оставалось восемь дней пути, приказал, наконец, разбить долговременный лагерь и созвал офицеров на военный совет. На совете было решено отправить к хивинскому хану послом астраханского дворянина Михаила Керейтова в сопровождении сотни казаков. Посол должен был отвезти письмо, в котором Бекович предупреждал о своем появлении в Хиве и еще раз подтверждал мирный характер посольства. Так же было решено оставить на этой стоянке тысячу казаков с большинством лошадей, обессиливших на марше. Заодно подтянутся отставшие, которых было преизрядно.

Основные же силы отряда продолжили казавшийся нескончаемым марш. Однажды утром, после ночевки возле колодца Чилдан, недосчитались присланных Аюкой проводников. Все десять человек во главе с караван-баши Мангалай-Кашкой ночью ушли из лагеря. Преследовать беглецов в их родных местах было бессмысленно, и дальше отряд повел Ходжа-Нефес, в молодости немало ходивший по этим местам с караванами.

Гонка продолжилась, отряд двигался уже в пределах Хивинского ханства. Местность изменилась, появилось множество речушек – Бекович с людьми явно приближался к Аму-Дарье. Во время привала на какой-то неведомой ныне речке Аккул (Белое озеро) к отряду подъехали два узбека в сопровождении русского казака, одного из отправленных с Керейтовым. Это были послы Ширгази-хана.

Гонцы привезли ханские подарки – кафтан, коня и овощи, но Бекович из осторожности посланцев не принял. Узбекам сообщили, что князь еще не прибыл на стоянку, и лишь через два дня, когда подтянулась отставшая тысяча, встреча состоялась. Прошла она вполне протокольно – Бекович еще раз заверил хана в мирном характере своей миссии, а подробности своего дела к нему пообещал изложить при личной встрече. Казак же сообщил, что в Хиве сотню Керейтова встретили нормально. Подарки хан принял, на содержание посланцев приказал выделить кормовые деньги – то есть вполне официально подтвердил свое, если и не дружеское, то уж точно не враждебное отношение.

Вскоре после приема посланцы Ширгази убыли обратно, и едва они скрылись из виду, как Бекович поднял отряд и приказал немедленно собираться в дорогу. Войско вновь двинулось ускоренным маршем. Бекович рассуждал просто – пусть хивинцы думают, что русские еще далеко, целее будем. Отдохнувший отряд сделал за два дня больше ста верст и вышел к притокам Аму-Дарьи, совсем рядом с тем местом, где наказано было Петром ставить крепость для строительства отводного канала и слома плотины. Солдаты встали стационарным лагерем на берегу одного из озер, окопавшись с трех сторон, возведя ров и вал, на котором выставили все шесть имеющихся пушек.

Через день оголодавшие на сухарях казачки попросились половить в озере свежей рыбки. Бекович позволил, и на рыбалку отправились тридцать человек. Обрато в одних портках прибежал только один – всех остальных порубили да перевязали невесть откуда взявшиеся хивинцы. А еще через час к лагерю Бековича подошло 24-тысячное хивинское войско...

А случилось вот что. Помните бежавших проводников? На самом деле домой подались только туркмены, а пятеро ханских калмыков Аюки во главе с Бахшой отправились не в родные кочевья, а в Хиву. Прибыли они туда вскоре после отряда Керейтова. Неизвестно, что Бахша напел хивинскому хану, но только сразу после этого визита Керейтова со всеми людьми

вытащили из посольских комнат и бросили в зинданы, а Ширгази крикнул срочный сбор всему войску. Через пару дней он уже выступил из города навстречу Бековичу. Старый Аюка все-таки отплатил за обиду, рассчитавшись за кровь убиваемых ногайцами калмыков кровью русских.

Единственный уцелевший на рыбалке гребенский казак наверняка спас жизнь своим товарищам – захватить русских врасплох не удалось, и когда объединенное войско хивинцев и степняков подошло к лагерю, русские были уже наготове. Взять лагерь с хода не удалось. Ошарашенная плотностью огня азиатская конница оттянулась версты на две, но быстро пришла в себя, и вытянувшись полумесяцем, окружила лагерь с трех сторон. Началась осада. На штурм пошли в первый же день, не медля. Хивинцы, думается, были вполне уверены в быстрой победе – при почти десятикратном-то превосходстве!

Но блицкрига не получилось. И яйцкие, и гребенцы были опытными бойцами, что же до «шведских» немцев-наемников, то в этом ремесле непрофессионалы долго не живут. В самом прямом смысле слова. При движении по чужим невиданно жарким землям толку от них было, может, и немного, но вот что-что, а воевать эти наемники умели.

Огонь русских был невероятно плотен, пушки, предназначенные для новой крепости, буквально выкашивали степняков визжащей картечью, и хивинцы откатывались от стен лагеря раз за разом. Воевал Бекович (или, скорее, Франкенберг, явно понимающий в осадных боях больше, чем дипломированный моряк) исключительно грамотно, по всем штандартам военной науки. Бои продолжились и на завтра, а на исходе третьего дня всем стало ясно, что ситуация патовая. Окруженные русские уйти никуда не могли, но и плохо вооруженные хивинцы никак не могли захватить лагерь – за три дня русские потеряли всего-навсего десять казаков и драгун. Продолжаться осада могла очень долго – припасов у русских было на несколько месяцев, а воды – полное озеро.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.